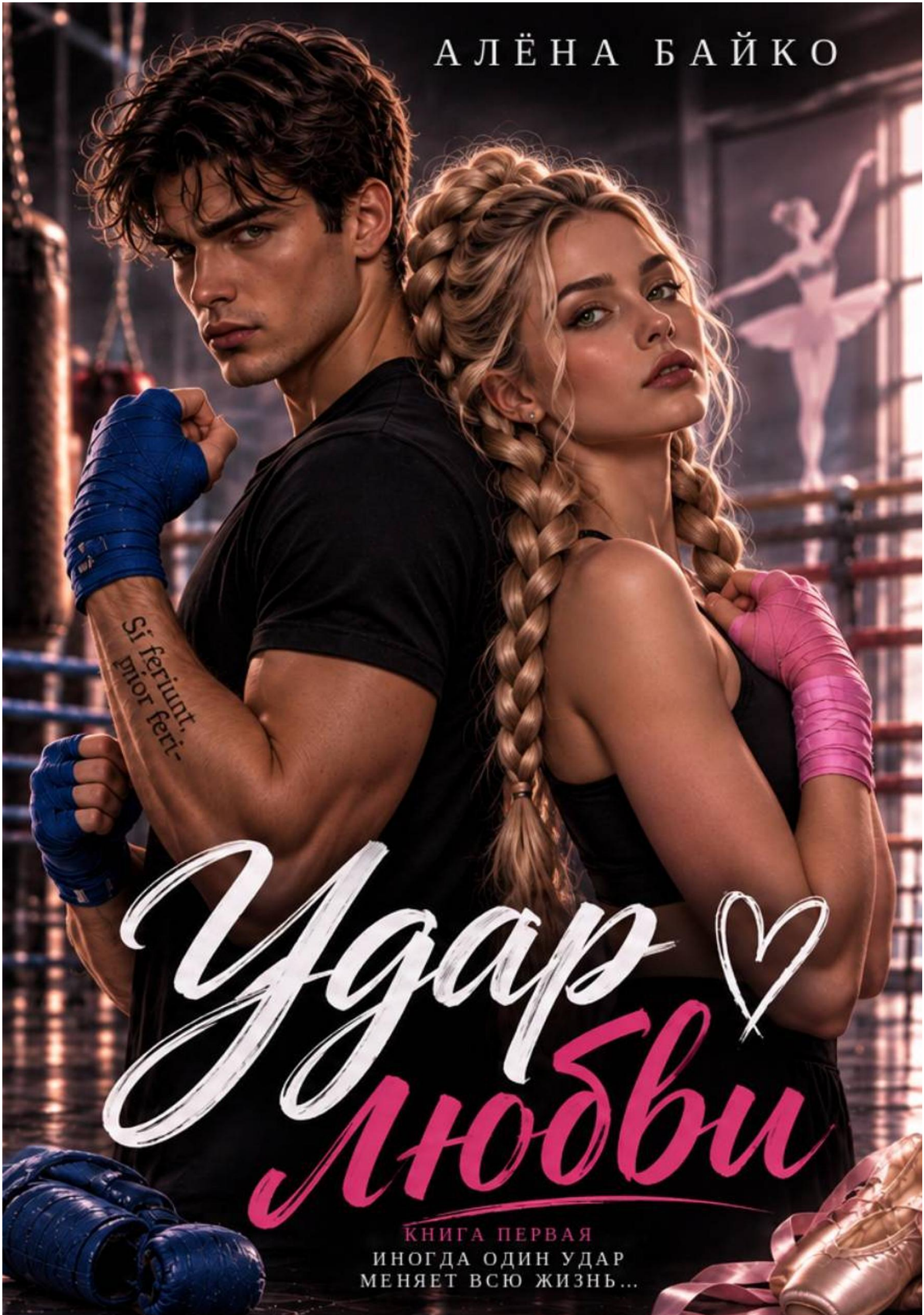

АЛЁНА БАЙКО
Si feriunt, prior ferit-
Удар любви
КНИГА ПЕРВАЯ
ИНОГДА ОДИН УДАР
МЕНЯЕТ ВСЮ ЖИЗНЬ...

Алена Байко

Удар любви. Книга первая

«Автор»
2026

Байко А.

Удар любви. Книга первая / А. Байко — «Автор», 2026

Он появился в её жизни тогда, когда ей больше всего нужна была защита. Она даже не просила о помощи. Просто однажды он оказался рядом и сделал то, на что никто другой не решался.Денис предложил научить Милу постоять за себя. Несколько уроков самообороны, немного упрямства, споры, улыбки и взгляды, которые со временем стали значить гораздо больше, чем обычная дружба.Она думала, что учится защищаться от чужих ударов. Но кто научит её защищаться от чувств?А он, привыкший рассчитывать только на себя, совсем не ожидал, что однажды захочет стать чьим-то самым надёжным местом.Только у каждой истории есть то, о чём предпочитают молчать. И не все тайны остаются в прошлом.Иногда человек, который учит тебя не бояться ударов, сам становится причиной самой сильной боли.

© Байко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава первая 7
Часть 1 7
Часть 2 14
Часть 3 23
Часть 4 27
Часть 5 33
Часть 6 38
Часть 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Алена Байко
Удар любви. Книга первая

АЛЁНА БАЙКО
УДАР ЛЮБВИ
роман
Книга первая
2026
© Алёна Байко, 2026

Пролог

У каждого из нас есть момент, к которому мы мысленно возвращаемся снова и снова. Момент, который хотелось бы прожить иначе. Сказать другие слова. Сделать шаг навстречу вместо того, чтобы отступить. Или хотя бы на несколько секунд забыть о гордости и просто выслушать.

Я всегда думала, что умею отличать правду от лжи. Что если сердце подсказывает мне, как поступить, значит, оно не ошибается. Но, как оказалось, иногда сердце не предупреждает об опасности — оно само становится её причиной. Я слишком часто позволяла эмоциям говорить за меня. Слишком быстро делала выводы, слишком легко захлопывала двери и слишком поздно понимала, что за ними могло скрываться нечто важное.

Но есть ошибки, за которые расплачиваешься не один день и даже не один год. Есть слова, которые уже невозможно услышать. Есть вопросы, которые однажды так и остаются без ответа. И есть люди, которых можно потерять, даже продолжая любить всем сердцем. Иногда мне кажется, что всё могло сложиться иначе. Но я не знаю, хватило бы мне тогда смелости поступить правильно.

Я знаю только одно: если бы время умело возвращаться назад, я бы выбрала совсем другие слова. Но история уже началась. И у неё есть своя цена.

Глава первая

Часть 1

Будильник зазвонил ровно в семь утра. Я натянула одеяло на голову, надеясь, что этот противный звук исчезнет сам собой. Но он продолжал настойчиво напоминать о том, что новый день уже начался, а значит, пора вставать, собираться и идти туда, куда мне меньше всего хотелось возвращаться. В школу.

— Мила! Ты проснулась? — донёсся из кухни мамин голос.

Я не ответила. Вместо этого перевернулась на другой бок и крепче зажмурилась. Ещё пять минут. Всего пять минут тишины, в которой мне не нужно было ни о чём думать, никого бояться и делать вид, что со мной всё в порядке.

За окном медленно просыпался осенний город. Солнечные лучи пробивались сквозь тонкие занавески, ложились на письменный стол и освещали раскрытую тетрадь, оставленную с вечера. На подоконнике стояла маленькая ваза с засохшими цветами, которые я всё никак не решалась выбросить. Когда-то они были красивыми. Теперь от них остались только сухие лепестки и воспоминание о том, какими они были раньше.

Наверное, я тоже когда-то была другой. Мне нравилась школа. Нравилось узнавать новое, отвечать на уроках, получать хорошие оценки. Я любила разговаривать с учителями, радовалась, когда меня хвалили, и искренне верила, что впереди меня ждёт много хорошего. У меня были подруги. Были люди, рядом с которыми я могла смеяться, не оглядываясь по сторонам и не думая о том, как выгляжу со стороны.

А потом появилась Вероника Вершина. И почему-то вместе с ней в моей жизни появилось всё то, чего раньше я даже представить не могла.

— Мила Кировская! — мама повысила голос. — Если ты сейчас же не встанешь, то опоздаешь!

— Уже встаю! — отозвалась я.

С неохотой откинув одеяло, я села на кровати и потёрла лицо ладонями. В зеркале напротив отразилась растрёпанная блондинка с покрасневшими глазами и припухшими веками.

Я выглядела так, словно всю ночь проплакала. Что, собственно, было недалеко от правды. Вздохнув, я поднялась и подошла к зеркалу. Длинные светлые волосы спутались за ночь, а несколько прядей упрямо выбились из общей массы. Я взяла расчёску, осторожно распутала волосы и принялась заплетать привычную толстую косу наискосок. Причёска всегда получалась аккуратной, даже если внутри меня всё было совсем не так.

Я любила заплетать волосы. Любила, когда каждая прядь лежала на своём месте, когда из беспорядка получалось что-то красивое и цельное. Жаль, что с собственной жизнью проделать то же самое было гораздо сложнее. Надев школьный сарафан и светлую блузку, я ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Поправила воротник, разгладила ткань на юбке и заставила себя улыбнуться. Улыбка вышла жалкой.

— Ничего, — тихо сказала я своему отражению. — Просто пережить ещё один день.

На кухне пахло горячей кашей и свежезаваренным чаем. Мама уже сидела за столом, просматривая что-то в телефоне. Передо мной стояла тарелка пшеничной каши — той самой, которую я терпеть не могла.

— Садись, пока не остыло, — сказала мама, не поднимая глаз.

Я послушно опустилась на стул и взяла ложку.

— Ты опять плохо спала? — спросила она, наконец взглянув на меня.

— Нормально.

— А глаза почему такие?

— Просто не выспалась.

Мама вздохнула, словно мой ответ уже успел её утомить.

— Мила, ты в последнее время какая-то странная. Всё время молчишь, сидишь в своей комнате. Ничего не рассказываешь. И ешь через раз. Что с тобой происходит?

Я опустила взгляд в тарелку. Что со мной происходило?

Как объяснить человеку, что каждое утро ты просыпаешься с тяжестью в груди, потому что впереди тебя ждёт ещё один день унижений? Как рассказать, что ты боишься обычного школьного коридора, чужого смеха и шагов за спиной? Что иногда тебе хочется заболеть, лишь бы не переступать порог класса? Как объяснить всё это маме, если даже самой себе я не могла признаться, насколько сильно мне страшно?

— Ничего, мам. Просто устала.

— От чего ты устала? Ты только учишься! — Мама покачала головой. — Вот закончишь школу, поступишь в университет, тогда узнаешь, что такое настоящая усталость.

Я промолчала. Спорить не было сил. Да и смысла я не видела. Для мамы мои проблемы были обычными подростковыми переживаниями, которые со временем обязательно пройдут. Она не знала, что иногда я плачу по ночам, уткнувшись лицом в подушку, чтобы она не услышала. Не знала, что я давно перестала рассказывать ей о школе. И уж точно не знала, что я уже не первый год мечтаю о том, чтобы однажды проснуться и обнаружить, что всё это закончилось. Я заставила себя съесть пару ложек каши, после чего потянулась за чашкой с зелёным чаем. Две ложки сахара — моя маленькая привычка, от которой я не собиралась отказываться.

— Ты опять не доела, — заметила мама.

— Я не хочу.

— Мила…

— Мам, пожалуйста. Мне пора.

Я быстро допила чай, собрала учебники и направилась к выходу.

— Телефон не забудь! И после школы сразу домой. Мне нужно, чтобы ты зашла в магазин.

— Хорошо.

— И не задерживайся!

— Хорошо, мам.

Дверь закрылась за моей спиной. Я осталась одна в прохладном подъезде и на несколько секунд просто замерла, прислушиваясь к тишине. Здесь хотя бы никто не смотрел на меня с усмешкой. Никто не ждал, когда я сделаю что-то не так. Никто не называл меня прозвищем, которое я ненавидела. Но стоило выйти на улицу, как спокойствие закончилось.

Осень в этом году выдалась холодной. Под ногами шуршали опавшие листья, ветер пробирался под воротник, а небо затянули серые облака. Я плотнее запахнула куртку и пошла в сторону школы, стараясь не смотреть по сторонам. Когда-то дорога туда казалась мне совершенно обычной. Я могла идти и слушать музыку, рассматривать витрины, придумывать, чем займусь после уроков. Иногда даже специально выходила пораньше, чтобы не спеша пройтись по парку. Теперь я считала шаги до школьных ворот. Каждый день был похож на предыдущий. И каждый раз я надеялась, что сегодня всё будет иначе.

Три года. Три долгих года я терпела насмешки, подставы и унижения. Сначала всё казалось мелочами. То кто-то ломал мою ручку, то страницы в тетради оказывались склеенными, то учебники исчезали с парты. Однажды я обнаружила, что кто-то испортил мой любимый серый сарафан, приклеив его к стулу. Когда я попыталась встать, ткань порвалась, а вместе с ней будто что-то оборвалось и внутри меня.

Я тогда плакала. И именно это им понравилось больше всего. Вероника Вершина быстро поняла, что мои слёзы можно превратить в развлечение. Она придумала мне прозвище —

«Плакса». Сначала называла так только она, потом к ней присоединились подруги, а вскоре это слово подхватили и остальные. Теперь мне редко говорили «Мила». Чаще я слышала:

«Эй, Плакса!»

«Что случилось, опять ревёшь?»

«Ну не плачь, а то тушь потечёт!»

Хотя никакой тушью я почти не пользовалась. Я давно привыкла опускать глаза, ускорять шаг и делать вид, что не слышу. Мне казалось, если не обращать внимания, если не отвечать, если просто переждать, однажды им станет скучно. Но им не становилось. И с каждым годом я всё сильнее убеждалась, что моё молчание они принимают не за просьбу остановиться, а за разрешение продолжать. До школьных ворот оставалось несколько метров, когда я увидела знакомую компанию.

Вероника стояла у ограды в окружении своих подруг. Её тёмные волосы были уложены безупречно, макияж подчёркивал карие глаза, а сама она выглядела так, будто собиралась не на обычные уроки, а на важное мероприятие, где все должны были обратить на неё внимание. Рядом с ней смеялись девочки из её компании. Я попыталась пройти мимо, надеясь, что сегодня они найдут себе другую жертву.

— Ой, смотрите, кто идёт! — протянула Вероника. — Наша Плакса!

Девочки обернулись. Я продолжила идти, крепче сжимая лямку рюкзака.

— Ты куда так спешишь? — Вероника сделала шаг мне навстречу. — Опять опаздываешь? Или уже заранее готовишься поплакать на первом уроке?

Кто-то за её спиной хихикнул. Я остановилась. Не знаю, что произошло в ту секунду. Возможно, мне просто надоело. Надоело каждое утро чувствовать себя виноватой в том, что я существую. Надоело бояться их взглядов, слов и улыбок. Надоело притворяться, что мне всё равно.

— Ты меня достала, Вероника, — сказала я.

Смех стих. Даже сама я не сразу поверила, что произнесла это вслух. Вероника медленно приподняла брови.

— Что ты сказала?

Я сглотнула. Сердце билось так сильно, что мне казалось, его стук слышен всем вокруг.

— Я сказала, что ты меня достала. Оставь меня в покое.

Несколько секунд Вероника просто смотрела на меня. Потом её лицо изменилось. Исчезла привычная насмешливая улыбка, а в глазах появилось что-то холодное и злое.

— Ты, кажется, забыла, с кем разговариваешь.

Я не успела ответить. Удар пришёлся по щеке. Резкий, неожиданный, обжигающий. Я отшатнулась и прижала ладонь к лицу. На глазах мгновенно выступили слёзы, а щека загорелась так, словно к ней приложили раскалённый металл.

— Ещё раз откроешь рот в таком тоне — пожалеешь, — тихо произнесла Вероника.

Она сказала это почти спокойно. Будто только что не ударила меня посреди улицы. Я смотрела на неё, не в силах произнести ни слова. Самое страшное было даже не в боли. А в том, что остальные видели случившееся и никто не попытался остановить её. Кто-то отвёл взгляд, кто-то усмехнулся, а кто-то продолжил наблюдать с любопытством, словно перед ним разыгрывалась сцена из фильма.

Я развернулась и побежала к школе. Мне нужно было спрятаться. Хотя бы ненадолго. В туалете я заперлась в кабинке, достала из рюкзака носовой платок и прижала его к щеке. Потом намочила его холодной водой и осторожно приложила к коже. В зеркале над раковиной я увидела красные следы от пальцев. Я снова заплакала. Тихо, стараясь не издавать ни звука, чтобы никто не услышал.

— Хватит, — прошептала я себе. — Мила, пожалуйста, хватит.

Но слёзы не слушались. Я всегда любила балет. Когда была младше, мне казалось, что сцена — самое прекрасное место на свете. Белые пуанты, зеркальный зал, музыка, движения, в которых не нужно было объяснять словами то, что ты чувствуешь.

Я занималась до девятого класса. Потом у мамы начались проблемы с деньгами, и от занятий пришлось отказаться. Я долго убеждала себя, что это временно, что однажды обязательно вернусь. Но время шло, а я так и не вернулась. Иногда дома я включала классическую музыку и танцевала. Без пуантов, без зеркального зала, без преподавателя, который поправил бы положение рук. Просто двигалась, позволяя телу вспоминать то, чего мне так не хватало. В такие минуты я могла хотя бы ненадолго забыть обо всём. О школе. О Веронике. О прозвище «Плакса».

Но сейчас даже об этом думать было больно. Я умылась, промокнула лицо бумажным полотенцем и дождалась, пока дыхание станет ровнее. Потом поправила косу, спрятала платок в карман и вышла из туалета.

Первый урок уже начинался. Я проскользнула в класс и села на своё привычное место — за последнюю парту у окна. Когда-то я сидела впереди, рядом с другими девочками. Но потом Вероника решила, что больше не хочет со мной сидеть. Причина была простой: я начала огрызаться. По крайней мере, так она объяснила учительнице.

На самом деле всё началось гораздо раньше. Сначала я позволяла Веронике списывать у меня домашние задания. Мне не было жалко, да и отказать я тогда не умела. Она просила один раз, потом второй, потом это стало привычкой. Стоило мне не дать тетрадь или сказать, что я не успела сделать задание, как её настроение менялось.

Однажды я всё-таки отказала ей. Мне нужно было подготовиться к контрольной, и я не хотела, чтобы мою работу снова просто переписали, даже не разобравшись в теме. С этого всё и началось. Поначалу я пыталась оправдываться, объяснять, что не обязана постоянно помогать ей. Но Вероника не привыкла слышать слово «нет». А когда поняла, что может настроить против меня остальных, остановиться уже не захотела.

Вскоре я осталась одна. Теперь я сидела на последней парте, старалась не привлекать внимания и делала всё возможное, чтобы учителя не задавали лишних вопросов. Училась я хорошо. Учёба оставалась единственным, что у меня получалось контролировать, и я не собиралась отдавать им ещё и это.

На уроке истории я почти не слышала объяснений учителя. Щека всё ещё болела, а внутри поселилось неприятное чувство — смесь обиды, страха и злости на саму себя. Я ненавидела себя за то, что не смогла ответить Веронике. За то, что снова убежала. За то, что позволяла им обращаться со мной так, словно я была пустым местом. Но что я могла сделать?

Однажды Вероника уже заперла меня в классе после уроков. Я тогда долго стучала в дверь, звала на помощь, пока не поняла, что никто не собирается возвращаться. В конце концов мне пришлось вылезать через окно первого этажа. Окно осталось открытым, и в кабинет залетели птицы. На следующий день виноватой сделали меня. Вероника лишь пожала плечами и сказала, что я сама во всём виновата. А потом добавила, что больше не желает со мной сидеть, потому что я стала слишком много о себе думать. С тех пор я старалась держаться подальше от неё. Получалось плохо. Последний урок закончился ближе к середине дня. Я медленно складывала учебники в рюкзак, дожидаясь, пока класс опустеет. Мне не хотелось снова идти по коридору в окружении чужих голосов и взглядов.

— Кировская, ты чего такая медленная?

Я подняла голову. У моей парты стоял Кирилл Смирнов. Кирилл учился с нами давно. Когда-то, ещё в пятом классе, он мне нравился. Тогда я была младше и наивнее, а мне казалось, что достаточно одного его взгляда, чтобы весь день стал лучше. О своих чувствах я никому не рассказывала, но каким-то образом Кирилл всё узнал. С тех пор он иногда вспоминал об этом, особенно когда хотел меня подразнить.

— Что тебе нужно? — спросила я, застёгивая рюкзак.

— Ничего такого. Просто есть кое-что интересное.

Я насторожилась.

— Что именно?

Кирилл оглянулся на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Я знаю кое-что о Веронике. Думаю, тебе будет полезно.

При упоминании её имени я невольно напряглась.

— И что же?

— Не здесь. Пойдём, расскажу.

— Нет, спасибо.

Я попыталась обойти его, но Кирилл схватил меня за руку.

— Да подожди ты! Я же помочь хочу.

Я посмотрела на его пальцы, сжимавшие моё запястье, и попыталась высвободиться.

— Кирилл, отпусти.

— Да не бойся ты. Пойдём, там недалеко.

Он потянул меня к выходу, не дожидаясь ответа. Я могла бы вырваться, закричать, позвать кого-нибудь, но после сегодняшнего утра у меня почти не осталось сил даже на сопротивление. Я почему-то решила, что, возможно, он действительно знает что-то важное. Что, может быть, у меня наконец появится возможность защитить себя. Как же сильно я ошибалась. Мы вышли через задний вход школы и направились к небольшому скверу неподалёку. Я бывала там нечасто. В тёплое время года на скамейках сидели пожилые люди, а дети катались на велосипедах. Сейчас сквер казался почти пустым: холодный ветер гнал по дорожкам сухие листья, а голые ветви деревьев тихо покачивались над скамейками.

— Кирилл, куда мы идём? — спросила я.

Он не ответил. И тогда я увидела их. Вероника стояла возле дальней скамейки. Рядом с ней были две девочки из её компании. Все трое смотрели прямо на меня. Я остановилась. Внутри всё похолодело.

— Что это? — едва слышно спросила я.

Кирилл наконец отпустил мою руку и отступил в сторону.

— Ну, удачи, Кировская.

Он усмехнулся. Только тогда я поняла, что всё это время он просто играл со мной. Никакой тайны не было. Никакого желания помочь тоже. Он привёл меня сюда специально.

— Ты же обещал… — начала я, но голос предательски дрогнул.

— Я много чего обещаю, — бросил Кирилл и направился к Веронике.

Они обменялись несколькими словами, после чего он встал рядом с ней, словно так и должно было быть. Я осталась одна напротив четверых людей, которым, казалось, доставляло удовольствие видеть меня униженной.

— Ну что, Плакса? — Вероника медленно приблизилась. — Утром ты была такая смелая. Решила, что можешь со мной разговаривать как угодно?

Я попятилась.

— Оставь меня в покое, Вероника. Я ничего тебе не сделала.

— Ничего не сделала? — Она рассмеялась. — Ты ещё спрашиваешь?

— Я просто хочу, чтобы ты перестала.

— А я хочу, чтобы ты наконец поняла своё место.

Я оглянулась. Дорожка, по которой мы пришли, была свободна, но девочки уже окружили меня с двух сторон. Я могла попытаться убежать, однако не была уверена, что успею.

— Отойдите, — попросила я.

— Слышали? — Вероника повернулась к подругам. — Она нам приказывает.

Они засмеялись.

— Я не хочу с вами драться. Пожалуйста, просто отпустите меня домой.

— А кто сказал, что мы собираемся драться? — Вероника улыбнулась. — Мы просто хотим поговорить.

Я знала эту улыбку. За три года я научилась различать все её оттенки. И сейчас понимала: ничего хорошего этот разговор не принесёт.

— Держите её, — приказала Вероника.

Всё произошло слишком быстро. Одна из девочек схватила меня за руку, другая толкнула в плечо. Я попыталась вырваться, но потеряла равновесие и упала на колени. Рюкзак соскользнул с плеча, учебники и тетради рассыпались по дорожке.

— Не трогайте меня! — крикнула я.

Мой голос прозвучал испуганно и слабо. Я попыталась подняться, но меня снова толкнули. Я выставила руки вперёд, защищая лицо, и в следующую секунду почувствовала резкую боль в плече. Удар был сильным. Настолько сильным, что я невольно вскрикнула и прижала руку к телу. Боль отдавала куда-то к ключице, а в глазах на мгновение потемнело.

— Вот теперь будешь знать, как разговаривать со мной, — произнесла Вероника.

Я смотрела на неё снизу вверх, пытаясь сдержать слёзы. Мне хотелось закричать, позвать на помощь, ударить в ответ — сделать хоть что-нибудь, чтобы она наконец остановилась. Но я не могла. Я лишь сидела на холодной дорожке, прижимая ладонь к плечу, и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна беспомощности.

— Пойдёмте, — сказала Вероника подругам. — Мне надоело на неё смотреть.

Они направились к выходу из сквера. Кирилл пошёл вместе с ними, даже не оглянувшись. Никто не помог мне собрать вещи. Никто не спросил, больно ли мне. Никто не сказал, что всё это неправильно. Я осталась одна. Некоторое время я просто сидела на земле, глядя на разбросанные тетради. Потом медленно поднялась, собрала учебники и отряхнула колени. Плечо болело всё сильнее. Я осторожно пошевелила рукой и поморщилась. Кажется, синяк будет огромным. Я дошла до ближайшей скамейки и опустилась на неё. Ветер пробирался под куртку, но мне было всё равно. Я смотрела на дорожку перед собой и не могла заставить себя встать. Слёзы текли по щекам, оставляя холодные дорожки. Я не пыталась их вытирать. Время тянулось медленно. Люди проходили мимо, иногда поглядывая в мою сторону, но никто не останавливался. Наверное, со стороны я выглядела просто девочкой, которая поссорилась с кем-то в школе. Никто не мог знать, что внутри меня в очередной раз что-то сломалось.

Телефон в кармане завибрировал. Мама. Я достала его и увидела несколько пропущенных вызовов. На экране высветилось сообщение:

«Ты где? Я же сказала сразу идти домой».

Я долго смотрела на эти слова, не зная, что ответить. Можно было написать правду. Сказать, что меня обманом привели в сквер, что меня толкали, что мне больно и страшно. Можно было попросить маму приехать. Но я уже представляла её вопросы. Почему ты туда пошла? Почему не дала сдачи? Почему не рассказала раньше? Что ты опять натворила? Возможно, она сказала бы совсем не то, чего я боялась. Возможно, обняла бы меня и пожалела. Но я не могла рискнуть и узнать. Поэтому я просто выключила экран. Я просидела в сквере до самого вечера. Солнце постепенно скрылось за домами, небо потемнело, а воздух стал ещё холоднее. Когда я наконец поднялась, ноги затекли, а плечо ныло при каждом движении.

Я шла домой медленно, стараясь не думать о том, что скажу маме. Хотелось только одного — оказаться в своей комнате, закрыть дверь и больше никого не видеть. Но даже этого мне не удалось. Стоило открыть входную дверь, как из кухни вышла мама.

— Мила, ты вообще понимаешь, который час? — возмущённо спросила она. — Я тебе сколько раз звонила? Почему ты не отвечаешь?

Я молча сняла обувь и поставила рюкзак возле стены.

— Я с тобой разговариваю!

— Мам, я устала.

— Устала? От чего? Ты где была всё это время?

— Гуляла.

Слова прозвучали так тихо, что мама нахмурилась.

— Гуляла? После школы? До вечера? И телефон выключила? Ты хотя бы понимаешь, как я волновалась?

Я опустила голову.

— Прости.

— Да что с тобой происходит, Мила? — Мама всплеснула руками. — Ты постоянно молчишь, на вопросы не отвечаешь, дома сидишь как чужая. В школе всё нормально? Учителя не жалуются?

— Всё нормально.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто у тебя случилось что-то ужасное?

Я едва не рассмеялась от горькой иронии. Потому что случилось, мам. И не сегодня. Не вчера. И даже не месяц назад. Это продолжалось годами. Я хотела рассказать ей всё. Хотела наконец перестать носить это в себе, показать плечо, сказать о Веронике, о её подругах, о Кирилле и о том, как сильно мне надоело бояться каждого нового дня. Но слова застряли в горле.

— Ничего не случилось, — прошептала я.

Мама устало посмотрела на меня.

— Иди переоденься. И поешь что-нибудь. Ты же с утра толком ничего не ела.

Я кивнула и поспешила в свою комнату, пока она не заметила, что я снова плачу. Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Только теперь, когда меня никто не видел, я позволила себе заплакать по-настоящему. Плечо болело. Я осторожно сняла блузку и посмотрела на кожу возле ключицы. Там уже проступало тёмное пятно, которое с каждой минутой становилось заметнее. Синяк. Доказательство того, что всё это действительно произошло. Я прикоснулась к нему кончиками пальцев и тут же отдёрнула руку. Боль оказалась сильнее, чем я ожидала. Потом я подошла к зеркалу. На меня смотрела светловолосая девушка с покрасневшими глазами, растрёпанной косой и лицом, на котором усталость давно вытеснила привычную улыбку. Я пыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя по-настоящему счастливой. Не тогда, когда получала хорошую оценку или слышала похвалу от учителя. Не тогда, когда мама покупала мне что-то приятное. А просто счастливой — без страха, без необходимости постоянно быть настороже. Вспомнить не получилось. Я легла на кровать, свернулась калачиком и прижала к груди подушку. За окном окончательно стемнело. В соседней комнате мама гремела посудой, иногда тяжело вздыхая. Я знала, что завтра снова придётся идти в школу. Снова видеть Веронику. Снова слышать своё прозвище. И снова делать вид, что я справляюсь. Меня звали Мила Кировская. Я была обычной одиннадцатиклассницей, которая любила классическую музыку, мечтала однажды вернуться к балету и старалась хорошо учиться, несмотря ни на что. Но для большинства я была всего лишь Плаксой. Девушкой, над которой можно смеяться, которую можно толкнуть, унизить и оставить одну посреди холодного сквера. И самое страшное заключалось в том, что я уже почти поверила: наверное, я действительно заслуживаю всего, что со мной происходит.

Часть 2

Эта ночь была ужасной. Плечо болело так сильно, что я никак не могла найти удобное положение. Стоило повернуться на бок, как боль пронзала всё тело, заставляя меня морщиться и тихо всхлипывать. Я пробовала лежать на спине, потом осторожно переворачивалась на другой бок, но ничего не помогало. В какой-то момент я просто перестала пытаться уснуть. Лежала, уставившись в темноту, и плакала. От боли в плече. От обиды. От бессилия. От всего, что накопилось во мне за последние три года. Наверное, я действительно слишком сильно устала. Устала бояться, терпеть, молчать и каждый день убеждать себя, что завтра обязательно будет лучше. Устала делать вид, будто чужие слова меня не задевают, будто мне всё равно, что обо мне думают, будто я умею справляться со всем самостоятельно. Я не умела. Мне просто больше не у кого было просить помощи.

Вечером я так и не вышла на кухню поужинать. Мама не позвала меня. Возможно, решила, что я снова обиделась или демонстративно закрылась в своей комнате. В последнее время она часто воспринимала моё молчание именно так. Она могла зайти, недовольно спросить, что со мной происходит, почему я всё время хожу с таким лицом, почему ничего не рассказываю. Но стоило мне представить, что я действительно начну говорить, как внутри всё сжималось от страха. Я боялась её реакции. Боялась, что она не поверит. Что скажет, будто я сама виновата. Что начнёт задавать вопросы, на которые у меня не будет ответов. А ещё я боялась, что она пойдёт в школу, устроит разбирательство, а потом мне придётся возвращаться в тот же класс и смотреть в глаза Веронике.

Я боялась всего настолько сильно, что даже не могла понять, чего именно боюсь больше. Иногда мне казалось, что если бы мама действительно интересовалась моей жизнью, она давно бы заметила: с её дочерью что-то не так. Разве можно не замечать, что ребёнок постоянно плачет? Что он всё чаще молчит, отказывается от еды, перестаёт делиться тем, что происходит в школе? Разве не должно насторожить то, что я больше не рассказываю о друзьях, не радуюсь обычным мелочам и каждое утро собираюсь на учёбу так, словно иду на казнь? Наверное, мама тоже уставала. У неё были свои проблемы, работа, деньги, постоянные заботы. Я понимала это. Но иногда мне так хотелось, чтобы она хотя бы на минуту остановилась, внимательно посмотрела на меня и спросила не раздражённо, а по-настоящему:

«Мила, что случилось? Почему тебе так плохо?»

И чтобы после этого мне не пришлось бояться ответа. Но ничего подобного не происходило. Поэтому я решила, что больше ничего не расскажу. Пусть всё остаётся как есть. Потерплю ещё год. Закончу школу, поступлю куда-нибудь, уеду и начну новую жизнь. Может быть, тогда всё наконец наладится. Я цеплялась за эту мысль, как за спасательный круг. Иногда я даже представляла, что однажды проснусь в другом городе, выйду на улицу и пойму, что никто здесь не знает моего прозвища, никто не помнит моих слёз и никто не считает меня слабой. Просто Мила. Обычная девушка, у которой впереди целая жизнь. Несколько раз я пыталась поговорить с мамой о переводе в другую школу. Впервые заговорила об этом ещё в начале учебного года 10 класса, когда поняла, что больше не могу выносить происходящее.

— Мам, а можно мне перевестись в другую школу? — осторожно спросила я тогда за ужином.

Мама даже не сразу оторвалась от телефона.

— Зачем?

— Просто… Я думаю, что в другой школе образование может быть лучше. Хочу попробовать что-то новое. Подготовиться к поступлению.

Я заранее придумала несколько причин, которые могли бы показаться убедительными. Мне хотелось объяснить всё так, чтобы мама сама согласилась, чтобы мне не пришлось рассказывать правду.

— Нет, Мила. Я не собираюсь этим заниматься, — ответила она.

— Но почему?

— Потому что эта школа хорошая. Рядом с домом, учителя прекрасные. Чего тебе ещё нужно? Не выдумывай себе проблемы. Лучше занимайся учёбой.

Я опустила голову и замолчала. В другой раз я снова попыталась завести этот разговор. Всё закончилось ссорой. Мама повысила голос, я не выдержала и расплакалась, а потом ещё долго слышала, что из-за моей чрезмерной чувствительности невозможно нормально поговорить. После этого я больше не просила о переводе. Не потому, что передумала. Просто поняла: меня всё равно не услышат. Я закрыла глаза и осторожно подтянула к себе одеяло. Плечо снова заныло, и я невольно прикусила губу, чтобы не всхлипнуть громче. Впереди была ещё одна ночь, которую нужно было пережить. А утром — снова школа.

В ту ночь я почти не спала. Лишь под самое утро провалилась в беспокойный сон, из которого меня вскоре выдернул будильник. Я открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, почему мне так тяжело дышать. Потом вспомнила вчерашний день. Сквер. Девочки. Удар. И всё вернулось.

— Ну конечно, — прошептала я. — Доброе утро, Мила.

Будильник продолжал звенеть. Я выключила его и осторожно села на кровати. Плечо уже не болело так остро, как ночью, но любое резкое движение отдавалось неприятной тяжестью. Я посмотрела на синяк. Он стал темнее и больше. Прекрасно. Теперь у меня было ещё одно напоминание о том, как прошёл мой вчерашний день.

— Мила! Ты встала? — крикнула мама из кухни.

— Да!

— Тогда собирайся. Не хватало ещё опоздать!

Я медленно поднялась и подошла к зеркалу. Три года. Три года моя жизнь напоминала один бесконечный день сурка: дом, школа, издевательства, снова дом. Иногда между этими событиями появлялись контрольные, домашние задания и редкие минуты спокойствия, но суть оставалась прежней. Я просыпалась. Шла в школу. Терпела. Возвращалась домой. Закрывалась в комнате. И так по кругу. Я старалась учиться, потому что верила: знания помогут мне выбраться из этой жизни. Старалась не давать поводов для насмешек, хотя со временем поняла, что Веронике они не нужны. Она могла найти причину для издёвки даже в том, как я держу ручку или отвечаю учителю. Я больше не знала, что должна изменить в себе, чтобы всё закончилось. Может быть, я действительно чем-то заслужила такое отношение? Но чем? Я никого не обижала. Не пыталась унижать других. Не отнимала чужое и не смеялась над теми, кому было плохо. Так почему всё происходило именно со мной? И всё же где-то глубоко внутри оставалась крошечная надежда, что впереди меня ждёт что-то хорошее. Что однажды всё изменится. Что я смогу снова улыбаться и не проверять каждый раз, кто стоит у меня за спиной. Я держалась за эту надежду, хотя сама уже почти перестала в неё верить. После того случая в сквере ребята действительно притихли примерно на неделю. Возможно, Веронике просто надоело вспоминать обо мне. Возможно, она решила дать мне передышку перед следующей выходкой. Но полностью они не исчезли. Они по-прежнему устраивали мелкие пакости: прятали мои вещи, портили тетради, ломали ручки, могли испачкать одежду или оставить на парте что-нибудь неприятное. Я уже почти привыкла к этому, хотя каждый раз внутри всё равно что-то болезненно сжималось. Мама удивлялась, куда я постоянно деваю канцелярию.

— Мила, почему у тебя опять нет нормальной ручки? Ты же только недавно покупала!

— Потеряла, — отвечала я.

— А тетради? Почему у тебя страницы порваны? Ты вообще следишь за своими вещами?

Я молчала. Однажды она не выдержала и заявила, что если я продолжу так обращаться со своими вещами, то в следующий раз буду ходить в школу с пакетом вместо рюкзака. Я тогда едва не рассмеялась. Пакета мне ещё не хватало. Представляю, как обрадуется Вероника, если узнает, что у меня появится новый повод для насмешек. Но вслух я, конечно, ничего не сказала. С каждым днём я всё сильнее уставала. Иногда возвращалась домой и просто ложилась на кровать, даже не переодевшись. Не хотелось ни есть, ни разговаривать, ни делать уроки. Я могла часами смотреть в одну точку, пока за окном темнело. Мама не понимала, откуда у меня столько усталости.

— Ты ведь ничего особенного не делаешь! — говорила она. — Только школа да домашние задания. Другие дети ещё и на кружки ходят, и по дому помогают. А ты постоянно какая-то измученная.

Я не спорила. Как объяснить, что иногда один школьный день забирает больше сил, чем целая неделя обычной жизни? Что я устаю не от уроков, а от необходимости каждую минуту быть настороже? Что даже на переменах не могу расслабиться, потому что не знаю, какой сюрприз они приготовили на этот раз? Я просто молчала. Молчание постепенно стало моей привычкой. Я научилась отвечать коротко, не задавать лишних вопросов, не рассказывать о своих желаниях. Мне казалось, что так будет проще. Когда приезжала бабушка, мне иногда хотелось поделиться с ней всем. Она могла выслушать, погладить меня по голове, заварить чай и сказать что-нибудь доброе. Рядом с ней я хотя бы ненадолго чувствовала себя маленькой девочкой, которую никто не собирается обижать. Но я боялась за её здоровье. У бабушки было слабое сердце. После тяжёлых ссор и переживаний она не раз оказывалась в больнице, и я слишком хорошо помнила, как мама рассказывала о её инфарктах и инсультах. Мне казалось, если я расскажу бабушке, насколько плохо мне живётся, она начнёт переживать, а её здоровье снова ухудшится. И тогда я никогда себе этого не прощу. Поэтому я улыбалась, говорила, что у меня всё хорошо, и спрашивала, как дела у неё самой. Бабушка радовалась, что я хорошо учусь, и иногда говорила, что гордится мной. А я улыбалась в ответ и думала о том, как сильно хочу, чтобы хоть кто-нибудь однажды заметил, что за моей улыбкой скрывается совсем другая жизнь.

О балете я старалась не думать. По крайней мере, старалась убедить себя, что больше не думаю. Но стоило услышать классическую музыку, увидеть танцовщицу на экране или случайно наткнуться на фотографии балетных постановок, как внутри всё переворачивалось. Я скучала. Скучала по залу с огромными зеркалами, по деревянному полу, по знакомому запаху разогретого тела и балетных туфель. По голосу преподавателя, который поправлял положение моих рук. По музыке, которая начиналась тихо, а потом словно подхватывала тебя и уносила куда-то далеко от повседневных забот. Я скучала по себе прежней. По той девочке, которая могла часами отрабатывать одно движение, пока оно не получалось идеально. Которая не замечала усталости, потому что впереди было ещё столько всего, чему хотелось научиться. Которая верила, что однажды сможет выйти на большую сцену. Я до сих пор помнила тот день, когда мама пришла с работы и сказала, что мне придётся бросить балет. Мне было четырнадцать, и я тогда впервые почувствовала, как рушится мечта, которую я считала частью себя.

— Мила, нам нужно поговорить, — сказала мама, присев на край моей кровати.

Я сразу насторожилась.

— О чём?

Она некоторое время молчала, подбирая слова.

— У меня проблемы на работе. Зарплату снижают, расходы растут. Сейчас я не могу оплачивать твои занятия.

Я не сразу поняла смысл сказанного.

— В смысле не можешь?

— В прямом. Придётся пока отказаться от балета.

— Нет! — Я резко поднялась. — Мам, пожалуйста, только не это!

— Мила, я всё понимаю…

— Нет, ты не понимаешь! Я люблю балет! Я столько лет занимаюсь! Я не хочу бросать!

Мама тяжело вздохнула.

— Я не говорю, что ты должна перестать его любить. Но сейчас у нас нет возможности платить за занятия. Нужно расставлять приоритеты.

— Но я могу заниматься меньше! Или мы можем…

— Нет, Мила. Решение принято.

Я смотрела на неё, не веря, что всё действительно происходит. Мне казалось, если я буду достаточно сильно просить, если объясню, насколько это важно, мама обязательно передумает. Ведь она знала, сколько времени я проводила в балетном зале. Знала, как я радовалась каждому маленькому успеху и как мечтала однажды стать профессиональной балериной. Но в тот вечер она не изменила своего решения.

— Я пойду к себе, — тихо сказала я.

Я закрылась в комнате и долго сидела на кровати, обнимая колени. Мне казалось, что вместе с балетом у меня отнимают единственное место, где я действительно была счастлива. Позже я услышала, как мама позвонила моему тренеру. Кира Евгеньевна всегда относилась ко мне с особой теплотой. Она верила в меня, хвалила за старание и не раз говорила, что при должной работе у меня есть все шансы стать профессиональной балериной.

— Кира Евгеньевна, здравствуйте. Я хотела предупредить, что Мила больше ходить не будет. У нас сейчас финансовые трудности, и мы не можем оплачивать занятия.

Я замерла у двери.

— Может быть, пусть пока просто ходит? — предложила тренер. — Я что-нибудь придумаю. Не хотелось бы, чтобы она бросала совсем. У неё хорошие данные, и она действительно старается.

Я едва не расплакалась от облегчения. Мне хотелось выбежать из комнаты, обнять маму, сказать, что мы обязательно найдём выход. Я уже представляла, как снова приду в зал, надену балетные туфли и встану перед зеркалом. Но мама ответила:

— Нет, Кира Евгеньевна. Мы так не можем. Я не хочу, чтобы Мила занималась бесплатно. Сейчас ей лучше сосредоточиться на учёбе.

И на этом разговор закончился. Я вернулась к кровати, села и долго смотрела на свои балетные туфли, стоявшие возле шкафа. Мне казалось, что в тот день я потеряла не просто любимое занятие. Я потеряла часть будущего, о котором мечтала. Какое-то время я всё ещё надеялась, что ситуация изменится. Искала бесплатные балетные студии, кружки, занятия при культурных центрах. Иногда находила подходящие варианты, но мама даже не хотела их обсуждать.

— Никакого балета, Мила. Будешь заниматься учёбой. Образование важнее. Знания помогут тебе получить хорошую профессию и обеспечить себе достойную жизнь.

Я понимала, что мама хотела для меня лучшего. Она старалась обеспечить нас, работала, решала проблемы и верила, что хорошее образование даст мне больше возможностей. Но она не понимала одного: балет для меня никогда не был просто кружком. Это было место, где я чувствовала себя живой. Конечно, я не собиралась отказываться от учёбы. Я по-прежнему старалась получать хорошие оценки, выполняла домашние задания и готовилась к контрольным. Но балет из моей жизни так и не исчез. После школы я иногда заходила в спортивный зал, когда там было свободно. Включала на телефоне классическую музыку, разминалась и начинала танцевать. Без преподавателя. Без зеркального зала. Без зрителей. Только я и музыка. Сначала я просто повторяла старые комбинации, боясь забыть движения. Потом начала придумывать новые связки, соединять знакомые элементы, экспериментировать. Постепенно у меня появился собственный номер, который я отрабатывала снова и снова, пока движения не становились плавными и естественными. Мне хотелось верить, что однажды я всё-таки смогу кому-

нибудь его показать. Но показывать было некому. Никто не знал, что после уроков я прихожу сюда. Никто не видел, как я танцую. Никто не мог понять, что эти несколько минут музыки помогают мне выдерживать всё остальное. Поэтому я танцевала для себя. И, наверное, именно благодаря этому до сих пор не потеряла себя окончательно.

* * *

Октябрь одиннадцатого класса наступил незаметно. Лето давно закончилось, деревья почти сбросили листья, а холодные утра окончательно отбили желание задерживаться на улице. Я продолжала жить по привычному расписанию: школа, дом, уроки, спортзал, если удавалось выкроить время. Иногда мне казалось, что я действительно привыкла к своей жизни. Не потому, что она стала лучше. Просто я научилась не ждать от неё ничего хорошего. В тот день я, как обычно, сидела за последней партой у окна. В одном ухе у меня была наушник, и я слушала музыку, пока одноклассники разговаривали перед началом урока. Я почти не обращала на них внимания.

— Ребята, тише, пожалуйста! — раздался голос Елены Николаевны, нашей классной руководительницы.

Я нехотя вынула наушник.

— Сегодня у нас пополнение. В ваш класс переводится новый ученик. Надеюсь, вы поможете ему освоиться и не будете устраивать проверок на прочность, как это иногда бывает.

Кто-то засмеялся.

— Заходи, Денис.

Дверь открылась. И в класс вошёл парень. Высокий, спортивный, с тёмными волосами и уверенным взглядом. На нём были чёрная футболка, тёмные спортивные штаны и кроссовки. Он выглядел так, будто совершенно не волновался из-за того, что оказался среди незнакомых людей. Но выражение его лица оставалось хмурым, словно он уже заранее устал от происходящего. Я подняла глаза и почему-то замерла. Просто смотрела на него, почти не моргая. Не знаю, что именно привлекло моё внимание. Возможно, то, как спокойно он держался. Возможно, его взгляд, который не бегал по классу в поисках одобрения. А может быть, мне просто давно не доводилось видеть человека, который выглядел настолько уверенным в себе.

— Знакомьтесь, ребята, это Денис Никифоров, — продолжила Елена Николаевна. — Он перевёлся к нам из соседнего города и теперь будет учиться вместе с вами.

По классу пробежал негромкий шёпот. Денис коротко кивнул.

— Привет.

— Денис, присаживайся, пожалуйста, к Миле. Она сидит на последней парте, там как раз есть свободное место.

Я тут же выпрямилась.

Ко мне?

Почему именно ко мне?

Я привыкла сидеть одна. Это было удобно: никто не мешал, никто не пытался заглядывать в тетрадь, никто не делал вид, что дружит со мной, только чтобы потом посмеяться. А теперь рядом должен был оказаться совершенно незнакомый человек. Я невольно напряглась. После знакомства с Вероникой я перестала доверять новым людям. Слишком хорошо запомнила, как легко обычная просьба, дружеский разговор или случайная улыбка могут однажды обернуться чем-то совсем другим. Но выбора у меня не было. Денис подошёл к парте, поставил рюкзак и сел рядом.

— Привет, — сказал он, повернувшись ко мне. — Я Денис.

Я на секунду растерялась.

— Мила.

— Приятно познакомиться, Мила.

Он улыбнулся. Просто улыбнулся — без насмешки, без странного взгляда, без попытки придумать мне новое прозвище. И я вдруг не знала, что ответить.

— Ты давно здесь учишься? — спросил он.

— С первого класса.

— Ничего себе. Значит, ты тут всех знаешь?

Я едва заметно усмехнулась.

— Не совсем. И, честно говоря, не очень хочу.

Денис посмотрел на меня внимательнее, но не стал задавать лишних вопросов.

— Понял. А что у вас сейчас?

— Русский язык.

— Любимый предмет?

— Не совсем. Но учительница хорошая.

— А какой любимый?

Я задумалась.

— Наверное, литература. А у тебя?

— История. Хотя музыка тоже многое решает.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Музыка?

— Ну да. Смотря какая. Я, например, тяжёлый рок слушаю. Иногда могу полдня ходить с одними и теми же наушниками.

Я впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

— А я люблю классику.

— Серьёзно? — Он приподнял брови. — Прямо классическую классику?

— А что, бывает другая?

— Не знаю. Я просто уточняю. Что слушаешь?

Я назвала несколько композиторов, и Денис неожиданно оживился. Оказалось, он тоже кое-что знал о классической музыке, хотя предпочитал совсем другие жанры. Мы начали обсуждать музыку, потом перешли к фильмам, увлечениям и тому, чем вообще можно заниматься после школы. Я сама не заметила, как разговорилась. Сначала отвечала коротко, осторожно, словно проверяя каждое слово. Но Денис не перебивал, не смеялся над моими ответами и не пытался показать, что знает больше меня. Он просто слушал, задавал вопросы и рассказывал что-то о себе. Рядом с ним не нужно было притворяться кем-то другим. Не нужно было подбирать каждое слово, опасаясь, что его потом используют против меня. Я даже забыла, что нахожусь на уроке.

— Мила Кировская, Денис Никифоров! — раздался голос Елены Николаевны.

Мы одновременно замолчали. Весь класс повернулся в нашу сторону.

— Я очень рада, что вы уже нашли общий язык, — продолжила учительница. — Но, может быть, вы всё-таки соизволите вспомнить, где находитесь?

Я почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Извините, Елена Николаевна, — пробормотала я.

— В следующий раз будете знакомиться после урока. А сейчас откройте учебники и попробуйте хотя бы немного поучаствовать в занятии.

Кто-то тихо засмеялся. Я опустила глаза, но на губах всё равно осталась улыбка. Денис наклонился ко мне и шепнул:

— Кажется, мы с тобой уже отличились.

Я прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

— Это всё ты.

— Конечно. Я же новенький. Мне положено влиять на дисциплину класса.

Я тихо засмеялась. И только тогда поняла, что давно не слышала собственного смеха. Не того короткого смешка, которым пытаешься скрыть неловкость. Не нервного хихиканья, когда боишься показаться слишком серьёзной. А настоящего. Лёгкого. Моего. В тот день мы разговаривали ещё несколько раз. На переменах Денис спрашивал меня о школе, учителях и одноклассниках. Я рассказывала ему то, что считала безопасным, и старалась не затрагивать тему Вероники. Он, кажется, замечал, что я иногда замолкаю, когда кто-то проходит мимо нашей парты, но не настаивал на объяснениях. Мне это нравилось. Он не пытался залезть мне в душу, не требовал откровенности и не делал вид, что знает меня лучше, чем я сама. Он просто общался со мной. Как с равной. И, наверное, именно этого мне не хватало больше всего. Впервые за долгое время мне стало немного легче дышать.

После уроков класс постепенно опустел. Я складывала учебники в рюкзак, когда Денис закинул сумку на плечо и повернулся ко мне.

— Ты сейчас домой?

— Нет, мне в спортзал надо.

— В спортзал? — Он заинтересованно посмотрел на меня. — Ты тренируешься? Каким спортом занимаешься?

Я на секунду задумалась, стоит ли рассказывать. Но потом решила, что в этом нет ничего страшного.

— Вообще-то, я раньше занималась балетом.

Денис удивлённо поднял брови.

— Балетом?

— Да. Несколько лет. Потом пришлось бросить по семейным обстоятельствам. Но я всё равно иногда занимаюсь сама.

— То есть ты ходишь в зал и танцуешь?

— Вроде того.

— Интересно, — сказал он. — Необычное увлечение.

Я уже приготовилась услышать очередную шутку, но он лишь кивнул.

— Ладно, не буду задерживать. Удачи тебе на тренировке.

— Спасибо. Пока.

— Пока, Мила.

Он направился к выходу, а я ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Потом встряхнула головой, поправила рюкзак и поспешила в спортзал. Я всегда старалась приходить туда как можно быстрее. Не хотелось задерживаться у школы, не хотелось случайно встретить Веронику или кого-то из её компании. Я уже знала, что даже несколько минут, проведённых не в том месте и не в то время, могут испортить весь день. Но в тот вечер мне повезло. Никто не остановил меня по дороге. Никто не окликнул. Никто не попытался отнять рюкзак или придумать новую пакость. Я добралась до зала, переоделась, включила музыку и начала разминку. Плечо ещё напоминало о себе, но уже не болело так сильно. Я двигалась осторожно, избегая резких движений, а потом постепенно позволила себе увлечься танцем. И случилось то, чего я совсем не ожидала. Пока я несколько дней не могла заниматься в полную силу, в голове словно сами собой складывались новые комбинации. Одно движение перетекало в другое, поворот сменялся шагом, а затем появлялась связка, которую я раньше никогда не пробовала. Я остановилась, перемотала музыку и повторила всё сначала. Потом ещё раз. И ещё. К концу тренировки у меня получился целый номер. Я стояла посреди зала, тяжело дыша, и смотрела на своё отражение в зеркале. Волосы выбились из косы, щёки раскраснелись, а глаза светились так, как не светились уже очень давно. Теперь у меня было два номера. Два маленьких мира, которые принадлежали только мне. И пусть я не знала, смогу ли когда-нибудь показать их кому-то, но впервые за долгое время почувствовала, что во мне ещё осталось что-то живое. Что-то, чего не

смогли отнять ни Вероника, ни школа, ни постоянный страх. Балет всё ещё был частью меня. И я не собиралась от него отказываться.

Следующие несколько дней прошли удивительно спокойно. Мы с Денисом продолжали общаться. Он рассказывал о себе, спрашивал о моих интересах, иногда мы обсуждали музыку прямо на уроках, за что однажды снова получили замечание. Я всё чаще ловила себя на том, что жду встречи с ним. Мне нравилось, что рядом с ним можно было просто быть собой. Не нужно было заранее готовиться к очередной насмешке или думать, как защититься от чужих слов. Конечно, я не считала, что мы уже стали близкими друзьями. Мы только познакомились. Да и Денис, как мне казалось, не спешил подпускать к себе людей. Он мог спокойно разговаривать с одноклассниками, шутить с девочками, поддерживать беседу, но при этом словно сохранял какую-то незаметную границу. Я чувствовала её даже тогда, когда он улыбался мне. И всё же мне хотелось верить, что со временем мы сможем узнать друг друга лучше. Вероника тоже быстро обратила на него внимание. Сначала она просто подходила к нашей парте, спрашивала что-то у Дениса, смеялась над его шутками. Пыталась завести разговор, приглашала его присоединиться к компании на перемене. Он общался с ней вежливо, иногда улыбался, но не стремился проводить с ней больше времени, чем требовалось. Веронике это, похоже, не очень нравилось. Я старалась не вмешиваться и не придавать этому значения. Мне казалось, что Денис сам разберётся, с кем хочет общаться. К тому же я не считала, что имею право на какие-то особенные ожидания. Он не был обязан выбирать меня, дружить только со мной или защищать от всего, что происходило вокруг. Он просто оказался человеком, рядом с которым мне было спокойно. И я боялась потерять даже это. Поэтому я не задавала лишних вопросов, не навязывалась и не пыталась удержать его возле себя. Если он хотел поговорить — я с радостью разговаривала. Если уходил к другим ребятам — оставалась на своём месте. Я убеждала себя, что так правильно. Что мне достаточно того, что у меня появился человек, с которым можно поговорить о музыке и посмеяться на уроке. Что большего мне не нужно. Но, как оказалось, даже этого было достаточно, чтобы Вероника снова решила напомнить мне о моём месте.

В тот день после уроков я вышла из школы позже обычного. Нужно было зайти в раздевалку за спортивной формой, поэтому коридоры уже почти опустели. Я поправила лямку рюкзака и направилась к выходу, думая о том, какую музыку включу на тренировке.

— Мила!

Я остановилась. Этот голос я узнала бы из тысячи. Вероника стояла у бокового выхода вместе с тремя девочками. По выражению её лица я сразу поняла: ничего хорошего меня не ждёт.

— Подойди сюда, — приказала она.

Я крепче сжала лямку рюкзака.

— Мне некогда.

На её лице появилась улыбка.

— Ой, какая занятая. У тебя теперь дела поважнее появились?

Я промолчала и попыталась пройти мимо. Одна из девочек шагнула вперёд, преграждая дорогу.

— Ты куда? Мы с тобой разговариваем.

Я посмотрела на неё, потом на Веронику.

— Что вам нужно?

— Да ничего особенного, — ответила Вероника, приближаясь. — Просто хотела узнать, как тебе удалось так быстро найти себе нового друга.

Я не сразу поняла, о ком она говорит.

— Какого друга?

Вероника закатила глаза.

— Не прикидывайся дурочкой. Денис. Наш новенький.

— А что Денис?

— Ты решила его к себе прибрать? Думаешь, если он с тобой разговаривает, то ты ему уже интересна?

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Мы просто общаемся.

— Конечно. Просто общаетесь, — передразнила она. — Ты хоть понимаешь, как это выглядит? Он нормальный парень, а ты… ты же сама знаешь, кто ты.

Я опустила глаза.

— Я ничего не сделала.

— Вот именно! — резко бросила Вероника. — Ничего из себя не представляешь, а уже решила, что тебе достанется самый крутой парень в классе.

— Мне ничего от него не нужно.

— Да? Тогда почему вы постоянно сидите вместе и болтаете? Почему он с тобой разговаривает?

Я не знала, что ответить. Потому что он сам этого хочет. Потому что я ему ничего не навязывала. Потому что он единственный человек за долгое время, который разговаривает со мной так, будто я обычная девушка, а не удобная мишень для чужих насмешек. Но я не сказала ничего из этого. Я слишком хорошо знала, что каждое моё слово может только разозлить Веронику сильнее.

— Послушай, — произнесла я, стараясь говорить спокойно. — Мы просто одноклассники. Я не собираюсь с тобой спорить. Дай мне пройти.

На мгновение мне показалось, что она действительно отступит. Но потом Вероника усмехнулась и кивнула одной из девочек.

— А ты, я смотрю, совсем смелая стала.

В следующую секунду меня толкнули. Я пошатнулась, едва удержавшись на ногах.

— Оставьте меня, — попросила я.

— А то что? — спросила Вероника.

Я попятилась, но одна из девочек схватила меня за волосы. Резкая боль заставила меня вскрикнуть. Я попыталась отцепить её руку, но вторая толкнула меня в спину, а третья пнула по ноге.

— Не трогайте меня! — крикнула я, пытаясь вырваться.

Меня снова дёрнули за волосы. Голова запрокинулась, на глазах выступили слёзы. Я пыталась закрыться руками, отступала, спотыкалась, но девочки не давали мне уйти. Вероника стояла рядом и смотрела на происходящее с холодным удовлетворением.

— Ты ведь понимаешь, что тебе с ним ничего не светит? — произнесла она. — Так что не воображай себе лишнего.

Я больше не слушала её. Мне нужно было выбраться. Просто выбраться отсюда, добежать до улицы, до людей, до любого места, где они не смогут меня тронуть. Но я не знала, как это сделать. Я снова попыталась освободить волосы, почувствовала удар и невольно согнулась, прижимая руки к голове. И тут раздался голос. Громкий, низкий, совершенно не похожий на голоса девочек.

— Эй! Вы что творите?! Немедленно отпустите её!

Все замерли. Я тоже. Я не сразу решилась поднять голову. Мне было страшно даже надеяться, что кто-то действительно пришёл на помощь. Слишком часто я уже убеждалась, что люди предпочитают проходить мимо. Но девочка, державшая меня за волосы, ослабила хватку. Я медленно обернулась. В нескольких шагах от нас стоял Денис Никифоров. И впервые за долгое время, глядя на кого-то, я почувствовала не страх. А надежду.

Часть 3

Денис

Я уже собирался уходить домой, когда услышал голоса из бокового коридора. Сначала не обратил внимания. В школе постоянно кто-то спорил, смеялся или выяснял отношения. Я вообще не любил лезть в чужие разборки, особенно когда не знал, что произошло. Но потом услышал женский вскрик. Я остановился.

— Отпустите меня!

Голос показался знакомым.

Мила?

Я нахмурился и направился к боковому выходу. Чем ближе подходил, тем отчётливее слышал чужие голоса и злой смех.

— Ты ведь понимаешь, что тебе с ним ничего не светит? — произнесла одна из девушек. — Так что не воображай себе лишнего.

Я узнал этот голос. Вероника Вершина. Кажется, остальные называли её Высотой. Я видел её в школе. Она умела быть обаятельной, когда хотела. Смеялась, шутила, легко находила общий язык с окружающими. Но в её поведении было что-то неприятное: иногда она смотрела на людей так, будто заранее решила, чего они стоят. Я не придавал этому значения. Пока. Я сделал ещё несколько шагов и увидел их. Четыре девушки окружили Милу. Одна держала её за волосы, другая толкала в спину, третья замахивалась ногой. Мила пыталась закрыться руками, вырваться, но они не давали ей даже отойти. А Вероника стояла рядом и наблюдала. Несколько секунд я просто смотрел на происходящее, пытаясь поверить собственным глазам.

Что за чёрт?

Мы с Милой сидели за одной партой всего несколько дней. Я знал её совсем мало, но уже успел заметить, что она тихая, немного замкнутая и почти всегда старается никому не мешать. При этом она оказалась интересным собеседником, с хорошим чувством юмора и неожиданно глубокими познаниями в музыке. Она ни разу не сказала мне ничего плохого. Не пыталась привлечь внимание, не навязывалась, не строила из себя кого-то другого. И теперь эти девицы избивали её за то, что мы разговаривали? Я почувствовал, как внутри поднимается злость. Не та злость, которая заставляет кричать и разбрасываться словами. Другая — холодная, собранная. Та, что появляется, когда видишь, как несколько человек нападают на одного, прекрасно понимая, что он не сможет дать отпор. Я терпеть не мог подобное. В боксе мне не раз приходилось слышать, что настоящий боец должен уметь контролировать себя. Не терять голову, не бросаться вперёд бездумно, не позволять противнику управлять твоими эмоциями. Но сейчас мне было плевать на их игры. Я шагнул вперёд.

— Эй! Вы что творите?! Немедленно отпустите её!

Все обернулись. Девушка, державшая Милу за волосы, разжала пальцы. Мила пошатнулась и тут же отступила, прижимая руки к голове. Я перевёл взгляд на Веронику.

— Я спросил, что вы делаете?

Она быстро изменилась в лице. Злость сменилась удивлением, а затем появилась знакомая мне по некоторым людям улыбка — будто ничего особенного не произошло и сейчас она сможет всё объяснить.

— Денис? А ты чего здесь?

— Вообще-то, я здесь учусь. И, кажется, это не ответ на мой вопрос.

Одна из девушек нервно хихикнула.

— Да мы просто разговаривали.

Я посмотрел на Милу. Она стояла, опустив голову. Волосы растрепались, глаза блестели от слёз. Она старалась держаться прямо, но я заметил, как дрожат её пальцы.

— Это у вас такой способ разговаривать? — спросил я, снова обращаясь к девочкам. — Вчетвером на одного человека?

— Ты не понимаешь, — резко ответила Вероника. — Она сама…

— Мне неинтересно, что ты собиралась сказать. Я видел, что вы делали.

На секунду её улыбка исчезла. Вот теперь я увидел настоящую Веронику.

— Послушай, Денис, — произнесла она уже мягче. — Мы с Милой давно знакомы. У нас свои отношения. Тебя это вообще не касается.

Я коротко усмехнулся.

— Если вы избиваете человека посреди школы, меня это касается.

— Никто её не избивал!

Я посмотрел на девушку, которая ещё недавно держала Милу за волосы.

— Конечно. Наверное, она сама себя за волосы дёргала.

Та отвела взгляд. Вероника скрестила руки на груди.

— Ты новенький. Не лезь туда, чего не знаешь.

— Тогда объясни мне, что я должен был увидеть? Как вы дружно помогаете ей упасть?

Она побледнела от злости. Мне стало ясно, что дело здесь не в каком-то случайном конфликте. Они привыкли, что Мила не сопротивляется, что её можно толкнуть, обозвать, унизить, а потом уйти, словно ничего не случилось. И, судя по всему, никто до сих пор не мешал им это делать. Я снова посмотрел на Милу.

— Ты в порядке?

Она подняла на меня глаза. В них было столько растерянности, что мне стало не по себе. Словно она не могла понять, почему я вообще задаю этот вопрос.

— Я… да, — тихо ответила она.

Ложь. Это было видно даже без моего опыта. Она едва стояла на месте, одной рукой придерживала волосы, а другой сжимала лямку рюкзака так, что побелели костяшки пальцев.

— Точно?

Она кивнула, но ничего не сказала. Я не стал заставлять её отвечать при всех.

— Хорошо. Тогда пойдём отсюда.

Я сделал шаг в её сторону, но остановился, заметив, как она напряглась. Неужели думает, что я тоже собираюсь её тронуть? От этой мысли внутри что-то неприятно кольнуло. Я поднял руки, показывая, что не собираюсь приближаться без её согласия.

— Всё нормально, Мила. Я тебя не трону. Просто давай уйдём отсюда, ладно?

Она посмотрела на меня, потом на Веронику. Та явно не собиралась так просто отпускать ситуацию.

— Денис, ты серьёзно? — спросила она. — Ты из-за неё собираешься с нами ссориться?

— Я не собираюсь ни с кем ссориться. Я собираюсь уйти отсюда вместе с человеком, которого вы только что пытались избить.

— Да она сама всё время строит из себя жертву!

Я медленно повернул голову.

— Тогда почему она сейчас стоит и боится даже слова сказать?

Вероника открыла рот, но не нашлась с ответом. В коридоре стало тихо. Слышно было только, как где-то вдалеке закрывается дверь и гулко отдаются шаги по лестнице. Я посмотрел на девочек по очереди.

— Если я ещё раз увижу, что вы к ней лезете, разговор будет уже не таким спокойным. И нет, это не угроза. Просто предупреждение.

— Ты нам угрожаешь? — вскинулась Вероника.

— Я тебе только что сказал, что не собираюсь угрожать. Не надо придумывать то, чего не было.

Я не повышал голос. Мне не нужно было этого делать. В боксе я давно усвоил: громкость не делает тебя сильнее. Иногда достаточно просто стоять на своём и не отступать. Вероника бросила на меня злобный взгляд, развернулась и направилась к выходу. Остальные поспешили за ней. Последней уходила девушка, которая держала Милу за волосы. Она что-то пробормотала себе под нос, но я даже не стал переспрашивать. Мне было всё равно, что они обо мне думают. Когда они скрылись за дверью, я наконец выдохнул. Только теперь заметил, насколько сильно сжал кулаки. Я медленно разжал пальцы. Не хватало ещё сорваться и сделать что-то, о чём потом пришлось бы жалеть. Мила всё ещё стояла у стены.

— Они ушли, — сказал я.

Она кивнула.

— Спасибо.

Её голос был таким тихим, что я едва расслышал.

— Не за что.

Я помолчал, разглядывая её лицо. На щеке ещё виднелся след от недавнего удара, а волосы выбились из косы. Она старалась выглядеть спокойно, но я видел, что ей хочется плакать.

— Они часто так делают? — спросил я.

Мила мгновенно напряглась. Я понял, что задал вопрос слишком прямо.

— Можешь не отвечать, — добавил я. — Я просто хочу понять, насколько всё серьёзно.

Она опустила глаза.

— Ничего страшного.

Я едва не выругался. Почему люди всегда так говорят, когда с ними происходит что-то страшное?

— Мила, я видел, что они делали. Не нужно убеждать меня, что ничего не случилось.

Она сжала губы. На секунду мне показалось, что она всё-таки расскажет правду. Но потом она покачала головой.

— Я сама разберусь.

В её голосе прозвучало что-то такое, что заставило меня замолчать. Не упрямство. Не раздражение. Страх. Она не просто не хотела рассказывать. Она боялась последствий. Я знал это чувство. Когда однажды теряешь что-то важное, начинаешь цепляться за то немногое, что у тебя осталось, и стараешься не подпускать никого слишком близко. Потому что близость означает возможность снова потерять. Я не собирался вытаскивать из неё признания силой.

— Ладно, — сказал я. — Не хочешь говорить — не надо.

Она удивлённо подняла глаза. Наверное, ожидала, что я продолжу расспрашивать.

— Но если они снова полезут к тебе, не думай, что обязана терпеть это молча. Хорошо?

Мила ничего не ответила. Только посмотрела на меня так, словно пыталась понять, можно ли мне верить. Я не знал, что она пережила до моего появления в этой школе. Не знал, почему Вероника так к ней относится и почему остальные девочки готовы выполнять её приказы. Но кое-что я понял точно. Мила привыкла оставаться одна. И, судя по всему, настолько привыкла, что уже не верила, будто кто-то может встать рядом с ней просто так. Я поправил лямку рюкзака.

— Ты домой сейчас?

Она покачала головой.

— В спортзал.

— Опять танцевать?

На этот раз в её взгляде мелькнуло удивление.

— Ты запомнил?

— Конечно. Ты же сама рассказывала.

Она впервые за всё это время чуть заметно улыбнулась. И почему-то именно эта маленькая улыбка убедила меня, что я правильно сделал, когда вмешался.

— Ладно, — сказал я. — Тогда я провожу тебя до выхода.

— Не нужно. Я сама дойду.

— Мила, я не собираюсь тебя контролировать. Просто хочу убедиться, что эти… — Я вовремя остановился, чтобы не выругаться. — Что они не вернутся.

Она помолчала, а потом тихо произнесла:

— Хорошо.

Мы пошли по коридору рядом, но я не стал пытаться завести разговор. Иногда молчание бывает полезнее любых слов. У самого выхода Мила остановилась.

— Денис?

— Да?

Она словно собиралась что-то сказать, но передумала.

— Спасибо. Правда.

Я посмотрел на неё.

— Не за что, Мила.

И на этот раз она не отвела взгляд сразу. Я проводил её глазами, пока она не скрылась за дверью, а потом остался стоять у входа, обдумывая случившееся. Я пришёл в эту школу всего несколько дней назад. Мне хотелось спокойно закончить одиннадцатый класс, тренироваться, заниматься своими делами и не ввязываться в чужие проблемы. Но теперь я знал, что здесь происходит. И я не собирался делать вид, будто ничего не видел. Я не знал, что будет дальше. Не знал, позволит ли Мила когда-нибудь узнать, что на самом деле с ней происходит. Не знал даже, захочет ли она продолжать со мной общаться после сегодняшнего дня. Но одно я понимал совершенно точно. Если кто-то решил, что может безнаказанно издеваться над человеком только потому, что тот не умеет за себя постоять, ему придётся пересмотреть свои взгляды. А Мила…

Я вспомнил её испуганные глаза и то, как она пыталась убедить меня, что всё в порядке. Почему-то мне совсем не хотелось, чтобы в следующий раз она снова стояла передо мной с таким взглядом. И я впервые задумался, что, возможно, мне стоит узнать её получше. Не из жалости. Просто потому, что мне было небезразлично, что с ней происходит.

Часть 4

Мила

После тренировки я собралась домой, но мысли никак не отпускали меня. Я снова и снова прокручивала в голове то, что произошло после уроков. Денис заступился за меня. Просто так. Не требуя ничего взамен, не задавая лишних вопросов и даже не пытаясь выставить себя героем. Он увидел, что меня обижают, и вмешался. Неужели существуют люди, которым действительно не всё равно? Мне хотелось в это верить. Хотелось хотя бы ненадолго почувствовать себя обычной девушкой, которая может спокойно ходить в школу, разговаривать с одноклассниками и не ждать очередной подлости за каждым углом. Может быть, теперь Высота оставит меня в покое?

Я почти позволила себе улыбнуться этой мысли, когда в кармане завибрировал телефон. Я достала его, уже ожидая увидеть пропущенные от мамы и очередное сообщение с вопросом, почему я так поздно. Но на экране высветилось имя, от которого у меня мгновенно испортилось настроение.

Вероника Вершина. Высота.

Я открыла сообщение.

«Значит так. Игнорируешь новенького. И даже не вздумай рассказывать ему обо всём. Избегай его, тогда, может, и тебе будет легче. Может, поживёшь спокойно…»

Я медленно выдохнула. Ну конечно. Стоило мне на секунду поверить, что в моей жизни может что-то измениться, как меня тут же вернули на место. Даже единственный человек, который за последнее время посмотрел на меня не как на посмешище, а как на обычную девушку, теперь оказался под запретом. Я перечитала сообщение ещё раз. Пальцы замерли над клавиатурой, но отвечать я не стала. Что бы я ни написала, это ничего бы не изменило. Высота всё равно нашла бы способ сделать мою жизнь невыносимой. Я просто заблокировала экран и пошла дальше. В тот вечер мне казалось, что надежда — это какая-то роскошь, которую я не могу себе позволить.

Дома меня встретила мама. Точнее, не встретила, а сразу начала возмущаться.

— Мила, ты вообще видела себя в зеркало? На кого ты похожа? Вечно приходишь какая-то измученная, уставшая, ходишь с таким лицом, будто весь мир тебе что-то должен!

Я молча сняла обувь и направилась в комнату. Мне хотелось только одного — закрыть за собой дверь, включить музыку и хотя бы ненадолго забыть обо всём. Но мама, кажется, решила, что на сегодня у неё ещё остались силы на разговоры.

— Или ты мне что-то не договариваешь? — продолжила она. — Может, ты там не танцами занимаешься, а с кем-нибудь встречаешься? А потом домой приходишь без сил. Только не вздумай принести мне в подоле!

Я остановилась. Несколько секунд я просто смотрела на неё, не веря собственным ушам. Неужели она действительно думает обо мне такое?

Я чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее, давно сдерживаемое. Обиду, которую я привыкла проглатывать. Слова, которые годами оставались невысказанными. Усталость от того, что даже дома мне приходилось оправдываться за собственное существование.

— Мам, не неси чушь! — наконец вырвалось у меня. — Я занимаюсь в спортзале. Танцами! Потому что ты лишила меня балета!

Она замолчала. И впервые за весь вечер мне показалось, что мои слова действительно до неё дошли. Но я не стала ждать ответа. Не хотела снова слышать объяснения про деньги, учёбу, необходимость думать о будущем. Не хотела спорить и доказывать, что балет для меня был не просто развлечением. Я быстро ушла в комнату и закрыла дверь. В тот вечер я больше не

выходила. Мне не хотелось ни есть, ни разговаривать, ни даже плакать. Я просто лежала, глядя в потолок, и слушала тишину. Хотя тишина в моей жизни давно перестала быть спокойной.

Утро началось как обычно. Будильник. Холодный пол под ногами. Знакомое отражение в зеркале. Я долго смотрела на себя, пытаясь привести лицо в порядок. Немного тонального крема, чтобы скрыть следы усталости, расчёска, привычная коса. Всё как всегда. Только внутри будто что-то окончательно выключилось. На кухне мы с мамой встретились взглядами, но никто из нас не произнёс ни слова. Она занималась своими делами, я молча допила чай и ушла.

И знаете что?

Мне даже стало легче. Не нужно было объяснять, почему я грустная. Не нужно было изображать хорошее настроение. Не нужно было делать вид, что всё нормально. Правда, впереди меня ждала другая проблема. Денис.

Как я объясню ему своё молчание? Ещё вчера мы разговаривали, а сегодня я должна делать вид, будто его не существует. Он ведь ни в чём не виноват.

Может, стоит просто сказать ему правду?

Нет. Высота ясно дала понять, что будет, если я проболтаюсь. Я поправила лямку рюкзака и ускорила шаг. Разберусь на месте. По крайней мере, я очень на это надеялась.

Около школы меня уже ждала Вероника. Она стояла у входа в окружении своих подруг. Улыбалась, что-то рассказывала, а когда увидела меня, на секунду прервала разговор.

— А вот и наша Плакса, — протянула она. — Надеюсь, ты хорошо подумала над моим сообщением?

Я попыталась пройти мимо, но она шагнула в сторону, перекрывая мне дорогу.

— Я тебе вопрос задала.

— Да. Я прочитала, — тихо ответила я.

— Умница. Тогда повторю ещё раз, чтобы до тебя наверняка дошло. Денис тебя не касается. Не разговариваешь с ним, не сидишь рядом с ним после уроков, не рассказываешь ему о том, что происходит. Вообще держишься от него подальше.

— Я поняла.

— Вот и прекрасно. А то мне бы очень не хотелось объяснять тебе ещё раз. Ты ведь у нас девочка понятливая, правда?

Её подруги захихикали. Я стиснула лямку рюкзака так сильно, что заболели пальцы.

— И ещё, — Вероника наклонилась ко мне, понизив голос. — Если он сам заговорит с тобой, это не значит, что ты можешь строить из себя особенную. Он просто пожалел тебя. Не перепутай.

Она выпрямилась и, улыбнувшись своей компании, направилась в школу. А я осталась стоять на месте ещё на несколько секунд.

«Просто пожалел».

Почему-то именно эти слова задели сильнее всего. Я ведь и сама боялась подумать о том, что Денис мог заступиться за меня не из жалости. Это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Поэтому я решила сделать то, чего от меня требовали. Буду молчать. Так будет безопаснее.

Первые два урока прошли почти незаметно. Я смотрела в тетрадь, записывала задания и старалась не поднимать головы. Денис несколько раз поворачивался ко мне, словно собирался что-то сказать, но я делала вид, что занята. Наконец он не выдержал.

— Мил, ты чего сегодня такая тихая?

Я продолжила писать.

— Ты меня слышишь?

Я кивнула, не глядя на него.

— Тогда почему не отвечаешь?

Мне хотелось повернуться, посмотреть ему в глаза и рассказать всё. Сказать, что дело не в нём, что вчерашний вечер для меня значил больше, чем он мог представить. Что я благодарна ему за то, что он заступился за меня. Но я чувствовала на себе чужие взгляды. Стоило мне хотя бы немного повернуться к Денису, как я замечала, что Вероника или одна из её подруг тут же смотрит в нашу сторону. Они следили за каждым моим движением. Я снова уткнулась в тетрадь.

— Понятно, — тихо произнёс Денис.

Но по его голосу я поняла, что ему совсем ничего не понятно. На перемене он попытался заговорить со мной ещё раз. Я ответила коротким кивком и отвернулась. На следующем уроке мне уже самой стало невыносимо от собственного поведения. Я чувствовала себя предательницей. Он ничего плохого мне не сделал. Наоборот, помог, когда никто другой даже не попытался вмешаться. А теперь я сидела рядом с ним и вела себя так, будто он для меня пустое место. Но каждый раз, когда я собиралась заговорить, перед глазами возникало сообщение Высоты.

«Не вздумай рассказывать ему обо всём».

Я боялась. Боялась, что если ослушаюсь, всё станет ещё хуже. Что Кирилл снова подкараулит меня за школой. Что девочки найдут новый способ унизить меня. Что однажды я просто не выдержу. На очередной перемене Денис повернулся ко мне. На этот раз в его голосе не было привычной лёгкости.

— Мила, я что, чем-то тебя обидел?

Я замерла.

— Может, я вчера что-то не так сказал? Или сделал?

Я медленно покачала головой.

— Тогда объясни мне, что происходит. Ещё вчера мы нормально разговаривали, а сегодня ты даже смотреть на меня не хочешь.

Я сжала губы. Внутри всё сжалось так сильно, что мне стало трудно дышать. Слёзы подступили к глазам, но я изо всех сил удерживала их. Мне хотелось сказать: «Дело не в тебе». Хотелось прошептать: «Пожалуйста, не думай, что ты мне неприятен». Хотелось попросить его не отворачиваться от меня, даже если я сама сейчас отталкиваю его. Но я молчала. Денис ещё несколько секунд смотрел на меня, ожидая ответа. Потом отвернулся. И вот тогда мне стало по-настоящему больно. Потому что я увидела, как он перестал пытаться. А я ничего не могла с этим поделать.

После уроков я собрала вещи быстрее всех. Мне нужно было уйти. Немедленно. Пока Денис снова не попытался заговорить со мной, пока я не сорвалась и не рассказала ему всё прямо посреди коридора. Я почти бегом направилась в спортзал. Только там я могла остаться наедине с собой. Там никто не требовал от меня улыбаться, оправдываться или притворяться, что я не боюсь. Переодевшись, я достала пуанты. Последние пять тренировок я занималась именно в них. Сначала было непривычно, ноги быстро уставали, а каждое движение требовало предельной концентрации. Но постепенно я начала чувствовать себя в них увереннее. Они давали мне то ощущение свободы, которого так не хватало в обычной жизни. Я включила музыку на полную громкость.

Первые ноты заполнили пустой зал, и я закрыла глаза. Один шаг. Второй. Поворот. Вытянутая рука. Лёгкий прыжок. Я забыла о школе, о Веронике, о сообщениях и о том, как Денис сегодня смотрел на меня с недоумением. Здесь я не была Плаксой. Не была девочкой, которую можно толкнуть, ударить или заставить молчать. Здесь я была просто Милой. Я двигалась всё быстрее, оттачивая комбинации, над которыми работала последние недели. Музыка будто подхватывала меня, а тело само вспоминало то, чему когда-то научила Кира Евгеньевна. Я поднималась на пуанты, вытягивала носок, плавно переходила в поворот и снова возвращалась в исходное положение. Мне казалось, что я действительно парю. Как бабочка, которой наконец позволили расправить крылья.

Я не заметила, как в дверях появились люди. Не услышала, как кто-то тихо присвистнул. И уж точно не ожидала того, что произошло дальше. Когда музыка закончилась, я замерла, тяжело дыша, и только тогда услышала аплодисменты. Я резко обернулась. В дверях стояли несколько парней из школьной боксёрской команды. Я узнала некоторых по коридорам и спортивным соревнованиям. Среди них был и Денис — с рюкзаком, перекинутым через одно плечо. Они улыбались, переглядывались и явно были впечатлены.

— Вот это красиво! — произнёс один.

— Да ты шикарно танцуешь! — поддержал другой.

— Вот это движения, детка! — с восхищением добавил третий.

Я растерянно смотрела на них, не зная, куда деть руки и что вообще делать. А потом встретилась взглядом с Денисом. Он стоял чуть позади остальных. На губах играла лёгкая улыбка, а в глазах было что-то такое, от чего я на мгновение забыла, как дышать. Он не смеялся. Не переговаривался с друзьями, не отпускал шуточек. Он просто смотрел на меня. И в этом взгляде было столько неподдельного интереса и восхищения, что я вдруг почувствовала себя совершенно беззащитной. Щёки вспыхнули. Я быстро выключила музыку, схватила полотенце и направилась к выходу.

— Мила! — услышала я за спиной. — Ты очень красиво танцуешь!

Я остановилась. Это был Денис. Я обернулась, встретилась с ним взглядом и невольно улыбнулась. Всего на секунду. А потом снова смутилась и поспешила в раздевалку. Странно. Когда я занималась у тренера, мне никогда не было стыдно за свои движения. Я могла повторять одну комбинацию десятки раз, спокойно выслушивать замечания и начинать заново. Но стоило мне увидеть Дениса среди зрителей, как я будто забыла всё, чему меня учили. Я закрыла за собой дверь раздевалки и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось так, словно я только что пробежала несколько кругов по стадиону.

— Господи, что со мной? — прошептала я самой себе.

Потом приняла душ, переоделась и села на скамейку. Я всё ещё не могла поверить в случившееся. У меня были зрители. Настоящие зрители. И они аплодировали мне. Не потому, что хотели посмеяться. Не потому, что их заставили. Они действительно смотрели на меня и говорили, что я красиво танцую. От этой мысли внутри разливалось непривычное тепло. Я просидела так минут пятнадцать, пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок. Наконец поднялась, закинула рюкзак на плечо и вышла из раздевалки. И, конечно же, именно в этот момент мимо проходил Денис.

Господи, ну почему опять он? — мысленно простонала я.

Будто в ответ на мои мысли Денис остановился и повернулся ко мне. Он подошёл ближе. Слишком близко для человека, с которым я весь день старательно избегала разговоров. Некоторое время он молчал, просто глядя на меня. Я тоже не произносила ни слова. И вдруг между нами словно что-то вспыхнуло. Я не знаю, как это объяснить. Это было похоже на лёгкий электрический разряд, который пробежал по телу, заставив меня на мгновение замереть. Никогда прежде я не чувствовала ничего подобного. Я не могла понять, почему мне вдруг стало так трудно отвести взгляд. Почему сердце забилось чаще, а ладони неожиданно стали горячими. Денис первым нарушил молчание.

— Ну и что с тобой сегодня происходит?

Я опустила глаза.

— Мила, серьёзно. Я чем-то тебя обидел? Почему ты весь день меня избегаешь?

Я чувствовала себя ужасно виноватой. Он смотрел на меня с таким искренним недоумением, что мне захотелось провалиться сквозь пол.

— Тебя запугали? — вдруг спросил он.

Я резко подняла голову. Вопрос застал меня врасплох. Я не ожидала, что он догадается так быстро. Несколько секунд я смотрела на него, а потом едва заметно кивнула. Достав теле-

фон, я открыла сообщение Вероники и протянула ему экран. Денис прочитал. Его лицо почти не изменилось, только улыбка исчезла. Он вернул мне телефон и коротко кивнул.

— Понятно.

Я не знала, что ещё сказать. Мне хотелось объяснить ему, почему я испугалась, но слова застревали где-то внутри. Денис помолчал, затем поправил рюкзак на плече.

— Ладно. Тогда пойду.

Я кивнула. Он развернулся и ушёл, а я осталась стоять на месте, глядя ему вслед. Мы разошлись, словно два корабля в открытом море. И почему-то мне казалось, что я только что упустила что-то важное.

До дома я шла по знакомой улице, стараясь не думать о Денисе. Получалось плохо. Я вспоминала его взгляд в спортзале, его улыбку, то, как он произнёс моё имя. Вспоминала и сообщение Высоты, которое снова напомнило мне, что любая попытка стать счастливее может обернуться очередным наказанием. Я так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу услышала свист за спиной.

— Эй, Плакса!

Я обернулась. Кирилл. Он быстро догнал меня и остановился совсем рядом. На его лице играла неприятная ухмылка.

— Тебя ведь Ника предупредила, чтобы ты ничего не говорила Денису, — произнёс он почти шёпотом. — А ты всё равно решила поиграть в непослушную?

Я нахмурилась.

— Я ничего ему не рассказывала.

— Да? А почему тогда он весь день вокруг тебя крутится?

— Кирилл, отстань от меня.

Я попыталась обойти его, но он шагнул в сторону, преграждая мне путь.

— Ты, похоже, совсем не понимаешь, когда с тобой по-хорошему разговаривают.

— А ты, похоже, совсем с ума сошёл.

Я сама не поняла, откуда во мне взялась эта смелость. Наверное, просто устала. Устала бояться, уступать, молчать и делать вид, что со мной можно обращаться как угодно. Но Кирилл не оценил мой ответ. Всё произошло так быстро, что я даже не успела отступить. Резкий замах. Удар. Губу обожгло болью, во рту появился металлический привкус. Я прижала пальцы к лицу и посмотрела на него, не веря в случившееся. Он ударил меня. Не толкнул, не дёрнул за волосы. Ударил по лицу.

— Ты с ума сошёл?! — выдохнула я. — Ты вообще понимаешь, что сделал? Руку на девушку поднять!

Кирилл только ухмыльнулся.

— В следующий раз думай, с кем и чем разговариваешь.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна бессилия. Мне хотелось закричать. Хотелось ударить его в ответ. Хотелось, чтобы кто-нибудь наконец увидел, что происходит, и остановил всё это. Но улица оставалась прежней. Люди проходили мимо. Машины ехали по дороге. Где-то лаяла собака. Мир продолжал жить так, словно ничего не случилось. Я развернулась и почти бегом направилась домой.

* * *

Я влетела в квартиру и сразу направилась в ванную. Включила воду, намочила полотенце и осторожно приложила его к губе. Боль тут же напомнила о себе. В зеркале на меня смотрела бледная девушка с растрёпанными волосами и испуганными глазами.

Только бы мама не заметила.

Я уже научилась придумывать объяснения на ходу. Ложь стала привычной защитой — не потому, что мне нравилось обманывать, а потому, что правда редко что-то меняла. Я ещё не успела привести себя в порядок, как дверь ванной распахнулась.

— Мила, что опять происходит? — начала мама. — Почему ты даже не здороваешься, приходишь и сразу закрываешься…

Она замолчала, увидев моё лицо. Её глаза расширились.

— Что с губой? Кто тебя ударил?

Я быстро отвела взгляд.

— Никто. Случайно задели. Дверью.

Мама нахмурилась.

— Какой ещё дверью?

— В спортзале. Резко открыли дверь, я не заметила. Случайно получилось.

Я произнесла это настолько спокойно, насколько смогла. Мама ещё раз посмотрела на мою губу, но вместо того, чтобы спросить, больно ли мне, или попытаться понять, что произошло на самом деле, только вздохнула.

— Надо быть внимательнее. Вечно ты где-то в облаках летаешь. Смотри под ноги и по сторонам.

Она развернулась и вышла. А я так и осталась стоять перед зеркалом. Несколько секунд я просто смотрела на закрывшуюся дверь.

И всё?

Ни одного вопроса. Ни попытки обнять. Ни предложения помочь. Она даже не стала проверять, правду ли я говорю. И почему-то это уже не удивляло так, как должно было. Я осторожно провела пальцем рядом с разбитой губой и поморщилась. Может быть, так даже лучше. По крайней мере, мне не придётся снова объяснять то, во что всё равно никто не захочет верить. Я закончила приводить себя в порядок, переоделась и надела наушники. Потом вышла на кухню, молча поела и вернулась в комнату, стараясь не обращать внимания на маму. Она тоже ничего не сказала. Так прошёл мой вечер. Я сделала уроки, подготовила вещи на завтра и легла в кровать. Включила рок — тот самый, который ещё недавно слушала только от случая к случаю. Сегодня мне почему-то захотелось послушать его подольше. Музыка заполнила наушники, отгородив меня от всего остального мира. Я закрыла глаза. И неожиданно вспомнила спортзал. Аплодисменты. Голоса парней. Слова о том, что я красиво танцую. На душе стало тепло и немного щемяще. Я никогда не думала, что кто-то может увидеть меня такой — не жалкой девочкой, над которой все смеются, а человеком, который умеет что-то по-настоящему красивое. Мне захотелось снова оказаться в том зале. Включить музыку, встать на пуанты и танцевать, пока не устану. А потом я вспомнила Дениса. То, как он стоял среди остальных, слегка улыбаясь. Как смотрел на меня, не отводя глаз. Как подошёл после тренировки и молча ждал, пока я сама решусь заговорить. Я снова почувствовала тот странный трепет. Будто внутри меня что-то осторожно шевельнулось, проснулось после долгого сна.

Почему рядом с ним я терялась?

Почему мне было так важно, что именно он думает обо мне?

И почему, когда наши взгляды встретились, мне показалось, что между нами пробежала искра?

Я повернулась на бок и натянула одеяло до подбородка. Нет. Не может быть. Я не собиралась влюбляться. Мне и без того хватало проблем. К тому же Денис почти ничего обо мне не знал, а я — о нём. Но сердце, кажется, не собиралось слушать разум. Я снова вспомнила его улыбку и невольно улыбнулась сама. Впервые за долгое время перед сном я думала не только о том, что завтра меня снова ждёт школа. Я думала о человеке, рядом с которым на короткое мгновение почувствовала себя живой. И мне было страшно признаться даже самой себе, насколько сильно мне хотелось увидеть его завтра.

Часть 5

Денис

Я не привык переживать из-за людей, которых едва знаю. В моей жизни всё было довольно просто: если человек мне нравился, я с удовольствием проводил с ним время. Если нет — не пытался изображать интерес. Я не видел смысла притворяться и уж тем более не собирался навязываться тем, кто не хотел со мной общаться. Но с Милой всё почему-то оказалось сложнее. После того случая в школе я несколько раз вспоминал её лицо. Испуганный взгляд, напряжённые плечи, попытки убедить меня, что ничего страшного не произошло. Я видел, что она боится, хотя и не понимал, чего именно.

Вероника? Её подруг? Или того, что кто-то узнает о происходящем?

Я не знал. И больше всего меня раздражало собственное бессилие. Я мог заступиться за неё, если видел, что её обижают. Мог остановить тех, кто распускал руки. Но что делать дальше, если сама Мила отказывалась говорить? Я не собирался заставлять её рассказывать о том, к чему она, возможно, ещё не была готова. Но и делать вид, будто ничего не происходит, тоже не мог. Наверное, именно поэтому утром я невольно искал её взглядом среди учеников. Когда я вошёл в класс, Мила уже сидела за партой. Она достала тетрадь, разложила ручки и сосредоточенно смотрела на доску. Всё как обычно, если не считать того, что при моём появлении она даже не повернула головы. Я решил, что она просто не заметила меня.

— Привет, — сказал я, занимая своё место рядом с ней.

Она кивнула.

— Как дела?

Молчит. На этом разговор закончился. Я посмотрел на неё внимательнее. Обычно Мила пусть немного, но поддерживала разговор. Иногда задавала вопросы, иногда рассказывала что-нибудь о себе. С ней было приятно общаться: она не пыталась казаться умнее других, не перебивала и не смеялась над каждой моей фразой, чтобы понравиться. Сегодня же она будто решила, что меня рядом не существует. Ладно. Может, просто не выспалась. Я не стал придавать этому значения. По крайней мере, сначала.

На первом уроке я несколько раз пытался заговорить с ней. Спрашивал, что задали, уточнял, какую страницу открыть, тихо комментировал слова учителя. Мила кивала, не поднимая глаз.

В какой-то момент я даже начал вспоминать наш последний разговор, пытаясь найти в нём что-то неудачное.

Может, я слишком настойчиво расспрашивал её о том, что произошло в школе?

Может, ей не понравилось, что я вмешался?

Может, она решила, что теперь я буду постоянно следить за ней и пытаться её спасать?

От последней мысли мне стало неприятно. Я не собирался становиться её спасителем. Да и кто я вообще такой, чтобы решать за неё, как ей жить? Но мне хотелось, чтобы она хотя бы могла спокойно находиться рядом со мной.

— Мил, ты чего сегодня такая тихая? — спросил я, когда учитель отвернулся к доске.

Она продолжила писать. Я подождал несколько секунд.

— Ты меня слышишь?

Мила кивнула.

— Тогда почему не отвечаешь?

Она ничего не сказала. Я откинулся на спинку стула и посмотрел на доску. Понятно. То есть совершенно ничего не понятно. Я не привык, чтобы со мной так разговаривали. Вернее, не разговаривали вовсе. Если я кому-то не нравился, мне обычно давали это понять довольно

быстро. Но Мила не выглядела злой или раздражённой. Она выглядела испуганной. И вот это мне не понравилось гораздо сильнее. На перемене я попробовал ещё раз.

— Мил, ты на меня обиделась?

Она покачала головой.

— Тогда в чём дело?

Мила посмотрела на меня всего на секунду, а потом снова отвела взгляд. Я заметил, как она сжала пальцы на ручке. Будто хотела что-то сказать, но не могла решиться. Я уже собирался продолжить, когда увидел, как Вероника, стоявшая у соседней парты, посмотрела в нашу сторону. Мила заметила это тоже. Её лицо изменилось. Она тут же отвернулась и принялась складывать учебники. И тогда у меня впервые появилась мысль, что дело вовсе не во мне. Что-то происходило, пока меня не было рядом. И, судя по всему, Мила боялась даже намекнуть на это.

К середине дня моё терпение начало заканчиваться. Не потому, что Мила меня раздражала. Скорее, я не понимал, как вести себя дальше. Я мог продолжать задавать вопросы, но видел, что от этого ей становится только хуже. Мог оставить её в покое, но тогда выходило, что я просто отступил, едва столкнувшись с первой трудностью. А ещё мне было неприятно осознавать, что я вообще об этом думаю.

Почему мне не всё равно?

Она хорошая собеседница. Мне интересно с ней разговаривать. Наверное, этого достаточно, чтобы переживать, когда человек вдруг замыкается в себе.

Но тогда почему я замечал каждую её улыбку?

Почему мне хотелось услышать её голос, даже когда мы обсуждали какую-нибудь совершенно обычную школьную ерунду?

И почему, когда она отворачивалась от меня, я чувствовал себя так, словно сделал что-то не так?

Я нахмурился и заставил себя вернуться к уроку.

Может, она просто хороший друг?

Хотя какой из нас друг? Мы знакомы всего ничего.

Может, она мне понравилась?

Я тут же отмахнулся от этой мысли. Слишком рано. Я даже не знаю, какая она на самом деле. Что любит, о чём мечтает, чего боится. Я видел лишь маленькую часть её жизни — ту, которую она позволяла увидеть окружающим. И всё же мне хотелось узнать больше. Вот только как это сделать, если она сама старательно от меня отгораживалась? На очередной перемене я повернулся к ней.

— Мила, я что, чем-то тебя обидел?

Она замерла. Я говорил спокойно, без претензий. Мне действительно хотелось понять, что происходит.

— Может, я вчера что-то не так сказал? Или сделал?

Мила медленно покачала головой.

— Тогда объясни мне, что происходит. Ещё вчера мы нормально разговаривали, а сегодня ты даже смотреть на меня не хочешь.

Она сжала губы. Я ждал. Несколько секунд. Потом ещё немного. Она молчала. И в этом молчании было столько напряжения, что я невольно понизил голос:

— Мила, я же не собираюсь тебя заставлять что-то рассказывать. Просто скажи, если я сделал что-то не так.

Она не ответила. Я посмотрел на неё, пытаясь встретиться с её взглядом, но она упрямо смотрела в тетрадь. В какой-то момент я понял, что продолжать бесполезно.

— Понятно, — тихо произнёс я и отвернулся.

Хотя на самом деле мне не было понятно ничего. Я чувствовал себя глупо. Ещё вчера мне казалось, что между нами начинает появляться какое-то доверие. Сегодня же я словно разговаривал с закрытой дверью. И самое неприятное заключалось в том, что я не мог даже злиться на неё по-настоящему. Потому что видел её страх. Я не знал его причины, но не мог не замечать. После уроков Мила собрала вещи и почти выбежала из класса. Я проводил её взглядом.

— Ты куда так спешишь? — окликнул я.

Она не остановилась. Я мог бы пойти следом. Догнать её, снова спросить, что случилось. Но что бы это изменило? Если она не хотела разговаривать, я не имел права заставлять её. Поэтому я остался на месте.

— Денис, ты идёшь? — позвал меня один из ребят из команды.

— Да. Сейчас.

Я закинул рюкзак на плечо и направился в спортзал вместе с остальными. Мне нужно было переключиться. Тренировка обычно помогала привести мысли в порядок. В зале всё было понятнее: есть задача, есть работа, есть результат. Если что-то не получается, ты повторяешь снова и снова, пока не начнёт выходить. С людьми всё иначе. Особенно с теми, за кого почему-то начинаешь переживать.

Мы уже подходили к спортзалу, когда услышали музыку. Она играла достаточно громко, чтобы её было слышно из коридора. Кто-то из парней пошутил, что, наверное, кто-то решил устроить дискотеку вместо тренировки. Я хотел ответить, но остановился у дверей. Потому что увидел Милу. Она танцевала. Сначала я даже не сразу понял, что это она. В школе Мила обычно держалась скромно, старалась занимать как можно меньше места, не привлекать к себе внимания. А здесь передо мной была совершенно другая девушка. Она двигалась легко, уверенно, будто музыка существовала только для неё. Плавные повороты сменялись быстрыми шагами, руки тянулись вверх, а каждое движение выглядело настолько естественным, что казалось, она не задумывается ни о чём. Она была на пуантах. Я не разбирался в балете, не знал названий движений и не мог оценить технику так, как это сделал бы профессионал. Но я видел, сколько труда стояло за каждым поворотом, за тем, как она удерживала равновесие и переходила от одного движения к другому. И видел её лицо. Мила улыбалась. Не той осторожной улыбкой, которую я иногда замечал в классе. Не так, будто боялась, что кто-то посмеётся над ней. Она улыбалась по-настоящему. И на несколько секунд я забыл обо всём остальном.

— Вот это красиво, — тихо произнёс кто-то рядом.

Я не ответил. Мне не хотелось отвлекаться. Музыка закончилась, и Мила замерла. Только тогда один из парней присвистнул, а остальные начали аплодировать. Она резко обернулась. Когда увидела нас, её лицо мгновенно изменилось. Улыбка исчезла, щёки порозовели, и она растерянно посмотрела на каждого из нас, словно не знала, что теперь делать.

— Вот это красиво! — повторил один из ребят.

— Да ты шикарно танцуешь! — добавил другой.

— Вот это движения, детка! — с восхищением сказал третий.

Мила смутилась ещё сильнее, поспешила к раздевалке. Я не хотел, чтобы она подумала, будто мы над ней смеёмся.

— Мила! — позвал я.

Она остановилась и обернулась. Я улыбнулся ей.

— Ты очень красиво танцуешь.

Она посмотрела на меня, и на её лице появилась маленькая, почти робкая улыбка. Всего на секунду. Но почему-то именно эта улыбка осталась у меня перед глазами, когда она скрылась за дверью раздевалки.

— Никифоров, ты чего завис? — хлопнул меня по плечу приятель.

— Ничего.

— Ага. Мы заметили.

Я закатил глаза.

— Иди уже переодевайся.

Парни засмеялись и двинулись дальше. А я ещё немного постоял у двери. Я не понимал, почему мне так понравилось смотреть, как Мила танцует. Наверное, потому, что впервые увидел её не испуганной и настороженной, а свободной. Будто здесь, в пустом спортзале, она могла быть собой. Мне захотелось увидеть эту улыбку ещё раз. И вот тут я насторожился. Потому что это уже было похоже не просто на интерес к хорошему собеседнику. Но я не собирался делать поспешных выводов.

Во время тренировки я вышел в коридор, пока остальные разминались. Я не знал, выйдет ли Мила из раздевалки в ближайшее время, и не хотел выглядеть человеком, который специально её караулит. Хотя, если быть честным с самим собой, именно этим я отчасти и занимался. Когда дверь наконец открылась, Мила вышла с рюкзаком на плече. Увидев меня, она остановилась. Я тоже остановился. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. И снова произошло то странное ощущение, которое я не мог объяснить. Будто всё вокруг на мгновение стало тише, а я вдруг слишком остро почувствовал, как близко она стоит. Я отвёл взгляд первым и мысленно выругался.

Что за ерунда?

Я же не мальчишка, который впервые увидел девушку.

— Ну и что с тобой сегодня происходит? — спросил я.

Мила опустила глаза.

— Мила, серьёзно. Я чем-то тебя обидел? Почему ты весь день меня избегаешь?

Она молчала. Я выдохнул и постарался говорить спокойнее.

— Тебя запугали?

На этот раз она резко подняла голову. Я увидел в её глазах ответ раньше, чем она успела что-либо сделать. Мила несколько секунд смотрела на меня, а потом едва заметно кивнула. Достав телефон, она открыла сообщение и протянула мне экран. Я прочитал.

«Значит так. Игнорируешь новенького. И даже не вздумай рассказывать ему обо всём. Избегай его, тогда, может, и тебе будет легче. Может, поживёшь спокойно…»

Я перечитал сообщение ещё раз. Внутри медленно поднималась злость. Значит, вот в чём дело. Она не просто решила отдалиться от меня. Ей приказали это сделать. Её запугивали, угрожали, заставляли молчать. И всё это время я сидел рядом и думал, что, возможно, сам чем-то её обидел. Я вернул телефон.

— Понятно, — произнёс я.

Хотя мне хотелось сказать совсем другое. Хотелось спросить, что они ещё с ней делают. Хотелось узнать, как долго это продолжается и почему она никому не рассказывает. Хотелось пообещать, что больше никто не посмеет её тронуть. Но я остановил себя. Я не знал всей ситуации. Не знал, чем могут ответить эти люди и насколько серьёзными окажутся последствия, если я начну действовать наугад. Одно я понимал точно: если сейчас начну давить на Милу, требовать объяснений или решать за неё, то ничем не буду отличаться от тех, кто уже привык распоряжаться её жизнью. А я не хотел становиться ещё одним человеком, которого ей приходится бояться.

Почему я вообще так остро воспринимал её молчание?

Почему мне было важно, чтобы она не считала меня человеком, который просто пожалел её?

Почему я хотел, чтобы она сама решила заговорить со мной?

Я не мог разобраться в этих вопросах прямо сейчас. Поэтому я сделал то единственное, что казалось мне правильным. Просто развернулся и пошёл по коридору. Каждый шаг давался немного тяжелее, чем должен был. Мне хотелось обернуться, проверить, стоит ли она всё ещё

на месте, сказать что-нибудь ещё. Но я заставил себя идти дальше. Я не хотел, чтобы моя помощь превратилась в обязанность, которую она должна была принять. И всё же мне было неприятно уходить вот так.

* * *

По дороге домой я несколько раз доставал телефон, хотя сам не знал, что собирался с ним делать.

Написать ей?

«Ты как?»

Слишком мало.

«Не переживай, я во всём разберусь».

Слишком самоуверенно. Я ведь даже не знал, с чего начинать.

«Если понадобится помощь, обращайся».

Слишком формально. Будто я предлагал одолжить конспект, а не пытался дать понять, что она не одна. Я убрал телефон в карман. Возможно, стоило просто оставить её в покое. Но стоило представить, как завтра она снова придёт в школу, опустит голову и будет делать вид, что всё нормально, как внутри появлялось неприятное чувство. Я не хотел, чтобы так продолжалось. И не понимал, почему именно мне настолько важно, чтобы это прекратилось. Может, дело было в справедливости. Я терпеть не мог, когда толпа выбирала себе жертву и считала, что имеет право издеваться над человеком только потому, что тот не может дать отпор. Может, я просто хотел помочь девушке, с которой мне было приятно общаться. А может, Мила действительно мне понравилась. Я вспомнил её улыбку в спортзале. То, как она двигалась под музыку, словно на несколько минут забывала обо всём, что причиняло ей боль. То, как смутилась, когда я сказал, что она красиво танцует. То, как посмотрела на меня после того, как я прочитал сообщение. В её взгляде было столько невысказанных слов. И мне хотелось их услышать. Но разве это уже означало, что она мне нравится?

Я не знал. Мне было интересно с ней. Хотелось узнавать её лучше. Иногда я ловил себя на том, что жду её улыбки или ищу её глазами в классе. Но я не мог понять, где заканчивается обычная симпатия и начинается что-то другое. Возможно, я просто нашёл человека, с которым мне действительно хорошо разговаривать. Возможно, мне хотелось стать ей другом. А возможно, я уже чувствовал больше, чем готов был признать. Я усмехнулся собственным мыслям.

— Отлично, Денис. Сам с собой разобраться не можешь, а уже собрался чужие проблемы решать.

Но улыбка быстро исчезла. Потому что проблема Милы никуда не делась. Я не знал, как ей помочь. Не знал, стоит ли вмешиваться снова или лучше дождаться, когда она сама решится мне довериться. Не знал, что произойдёт, если я открыто выступлю против Вероники и её компании. Но я знал одно: теперь, когда я увидел всё своими глазами, просто пройти мимо уже не получится. Я не собирался обещать Миле, что спасу её. Не собирался играть в героя и решать за неё, что будет лучше. Я просто хотел, чтобы однажды она смогла прийти в школу и не бояться каждого встречного. Чтобы могла разговаривать со мной, если захочет. Чтобы снова улыбалась так, как улыбалась в спортзале. А что касается моих чувств…

Что ж, с этим я ещё успею разобраться. По крайней мере, я надеялся на это. Хотя почему-то подозревал, что с Милой всё будет гораздо сложнее, чем я привык.

Часть 6

Мила

Утро началось с неприятного ощущения на губе. Я открыла глаза, потянулась к телефону, чтобы выключить будильник, и только потом вспомнила вчерашний вечер. Кирилл. Его ухмылка. Резкий удар. Я осторожно провела языком по нижней губе и поморщилась. Она немного опухла, а в месте, где кожа была рассечена, образовалась корочка. Прекрасно. Я поднялась с кровати и поплелась в ванную. Включила свет, подошла к зеркалу и замерла.

— Ну и как я теперь пойду в школу? — пробормотала я своему отражению.

Я попыталась прикрыть повреждённое место тональным кремом. Получилось ужасно. Корочка стала ещё заметнее, а губа выглядела так, будто я неудачно попыталась сделать макияж перед важным мероприятием. Я стёрла крем. Попробовала нанести совсем немного консилера. Стало ещё хуже. Я снова всё смыла, аккуратно промокнула лицо полотенцем и несколько секунд смотрела на себя, пытаясь придумать хоть что-нибудь. Ничего. Любая попытка скрыть следы удара только сильнее привлекала к ним внимание.

— Ладно, — вздохнула я. — Пусть будет как будет.

Хотя мне совсем не хотелось, чтобы кто-то заметил эту болячку. Особенно Денис.

Почему именно он?

Я нахмурилась собственным мыслям. Наверное, потому, что он уже видел, как меня обижают. И мне не хотелось снова выглядеть в его глазах беспомощной. Я умылась, оделась и заплела волосы в привычную косу. На завтрак вышла с надеждой, что мама хотя бы сегодня не начнёт очередной разговор. Но, кажется, надеяться на это было слишком оптимистично. Мы сидели за столом почти молча. Мама пила чай, я пыталась заставить себя съесть хоть что-нибудь. Время от времени она поглядывала на меня, и в её взгляде читалось такое раздражение, будто я совершила что-то ужасное. Наконец она не выдержала:

— Ты опять собираешься ходить с этим лицом? Я вообще не понимаю, что с тобой происходит в последнее время. То пропадаешь где-то, то приходишь измученная. Я уже не знаю, по каким дворам ты шатаешься и кому себя предлагаешь!

Я замерла с чашкой в руках. Сначала даже не поняла, правильно ли услышала. Потом медленно поставила чашку на стол.

— Что?

— Что слышала. Ты стала какая-то странная. Вечно куда-то уходишь, ничего не рассказываешь. Я тебя спрашиваю, а ты молчишь. Может, хоть теперь объяснишь, что происходит?

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то болезненно сжимается.

Она действительно так обо мне думает?

После всего, что происходит в школе, после всех моих попыток просто пережить очередной день, после того, как я прихожу домой и даже здесь не могу рассчитывать на поддержку, она обвиняет меня в подобном?

Мне хотелось кричать. Хотелось спросить, когда она в последний раз по-настоящему интересовалась моей жизнью. Когда замечала, что я плачу. Когда пыталась понять, почему я больше не хочу разговаривать. Но я ничего не сказала. Просто встала, убрала за собой посуду и пошла в комнату за рюкзаком. Разговаривать с ней больше не хотелось. Вообще. Её равнодушие убивало меня гораздо сильнее, чем я готова была признать. А такие слова словно окончательно перечёркивали последнюю надежду на то, что когда-нибудь мама увидит во мне не источник проблем, а собственного ребёнка. Лучше уж молчать. Так хотя бы не придётся слушать, что обо мне думает самый близкий человек. Я собрала учебники, проверила расписание и надела брюки с рубашкой. На улице уже заметно похолодало, поэтому я натянула толстовку, взяла рюкзак и вышла из квартиры. На этот раз я даже не попрощалась. Мама тоже ничего не сказала.

До школы я добралась довольно быстро. По дороге мне никто не встретился, и это было настоящим облегчением. Ни Вероники с её подругами, ни Кирилла, ни случайных знакомых, которые могли бы начать расспрашивать о моей губе. Я почти убедила себя, что день пройдёт спокойно. Почти. Когда я вошла в класс, Денис уже сидел за партой и что-то увлечённо рассматривал в телефоне. Я остановилась прямо в дверях. Сама не заметила, как это произошло. Просто увидела его — и замерла. Он выглядел совершенно обычно. Чёрная футболка, тёмные спортивные брюки, немного растрёпанные волосы. Одной рукой он держал телефон, другой что-то печатал, изредка хмурясь экрану. Я смотрела на него и почему-то не могла заставить себя двинуться с места. В классе уже были Вероника и её подруги. Они смотрели на меня с нескрываемым презрением, словно без слов напоминали: *мы же договорились. Ты ничего не скажешь.*

Кирилл стоял рядом с ними. Увидев мою губу, он самодовольно ухмыльнулся. Будто совершил какой-то подвиг, ударив девушку. Я сжала лямку рюкзака и заставила себя пройти к парте. Денис сначала даже не обратил на меня внимания. Я села, достала тетрадь, ручку, учебник. Постаралась занять руки хоть чем-нибудь, чтобы не думать о том, что происходило вокруг. Наконец он убрал телефон и повернулся ко мне. Его взгляд скользнул по моему лицу. Остановился на губе. Улыбка исчезла.

— Не понял. Это чё?

Я замерла.

— Что случилось с губой? — спросил он уже серьёзнее.

Я посмотрела на него испуганными глазами и тут же отвела взгляд. Не отвечай. Пожалуйста, Мила, просто промолчи. Но Денис уже заметил, что я смотрю куда-то в сторону. Сначала на Кирилла. Потом на Веронику. Потом снова на Кирилла. Я не хотела этого делать. Не собиралась выдавать их. Но страх оказался сильнее меня, и взгляд всё равно возвращался к тем, кто мог сделать мою жизнь ещё хуже. Денис проследил за моими глазами. Я увидела, как изменилось его лицо.

— Всё, я понял, — произнёс он. — Это они тебя ударили. Конкретно он?

Я не ответила. Мне казалось, что если я хотя бы кивну, то всё окончательно выйдет из-под контроля. Денис медленно поднялся со стула.

— Я тебя спрашиваю. Это он?

Я посмотрела на него. В его голосе звучала злость, но не на меня. И ещё что-то, от чего у меня болезненно сжалось сердце. Он переживал. По-настоящему переживал за меня. И от этого мне стало ещё страшнее. Я не хотела, чтобы он ввязывался в мои проблемы. Не хотела, чтобы из-за меня у него появились неприятности. Но я так устала от всего, что больше не могла удерживать слёзы. Они выступили на глазах и медленно покатились по щекам. Денис посмотрел на меня, потом снова перевёл взгляд на Кирилла.

— Понятно.

Он двинулся к нему так быстро, что я даже не успела ничего сообразить.

— Денис, не надо! — крикнула я.

Но он уже стоял перед Кириллом.

— Ты совсем охренел? — спросил он.

Кирилл поднялся, пытаясь сохранить прежнюю самоуверенность.

— А тебе какое дело?

Ответом стал удар. Всё произошло настолько быстро, что я сначала даже не поняла, что увидела. Кирилл отшатнулся, задел парту и рухнул на неё, едва удержавшись на ногах. Класс взорвался криками. Кто-то вскочил со своего места. Девочки отступили к стене. Вероника побледнела. А я стояла возле своей парты и не могла пошевелиться.

— Денис, не надо! — повторила я, уже почти срываясь на плач.

Он обернулся ко мне.

— А это, по-твоему, нормально? — резко спросил он. — Что тебя парень бьёт, а ты молчишь?

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Что я должна была ответить?

Что мне страшно?

Что я не знаю, как защитить себя?

Что каждый раз, когда я пытаюсь дать отпор, всё становится только хуже?

Он снова повернулся к Кириллу, но тот уже не пытался выглядеть таким смелым. Затем Денис направился к Веронике. Она отступила на шаг.

— Денис, не надо, — быстро заговорила она. — Пожалуйста, Денис, не надо!

Он остановился перед ней и крепко взял её за руку.

— Ещё раз ты к ней подойдёшь, ещё раз запугаешь её или попробуешь надавить через кого-то — тебе не поздоровится. И мне плевать, кто твои родители, кто ты сама и сколько у тебя дружков. Понятно тебе?

Вероника смотрела на него широко раскрытыми глазами. Впервые за всё время я видела её по-настоящему испуганной. Денис отпустил её руку.

— Ясно спросил?

Она молча кивнула. Он ещё раз посмотрел на Кирилла, а потом повернулся ко мне. Я не выдержала. Слёзы текли по щекам, в груди всё сжалось, а происходящее казалось слишком громким, слишком резким, слишком настоящим. Я схватила рюкзак и выбежала из класса. Мне нужно было уйти. Немедленно. Пока никто не увидел, как сильно я дрожу.

Я почти добежала до лестницы, когда услышала за спиной быстрые шаги.

— Мила! Стой!

Я не остановилась.

— Мила, подожди!

Денис догнал меня посреди коридора и осторожно повернул к себе.

— Эй, посмотри на меня.

Я пыталась отвернуться, но он встал передо мной так, чтобы я наконец подняла глаза.

— Всё. Тихо. Дыши, — сказал он уже спокойнее.

Я всхлипнула.

— Милая, не стоит отдавать им свои слёзы. Ты понимаешь? Эти черти твоих слёз не стоят.

От слова «милая» у меня почему-то перехватило дыхание. Наверное, он сказал это просто так. Чтобы успокоить меня. Ничего особенного. Но я всё равно запомнила.

— Ты должна уметь за себя постоять, — продолжил Денис. — Ты не можешь каждый раз убегать и надеяться, что они однажды отстанут.

Я опустила глаза.

— У тебя парень есть?

Я удивлённо посмотрела на него и покачала головой.

— Нет.

— Понятно.

Он ненадолго задумался, потом снова посмотрел на меня.

— Ну, был бы у тебя парень, тебе, наверное, было бы проще. Может, ты хотя бы не боялась бы приходить в школу, не переживала бы, что на тебя опять кто-то руку поднимет.

Я нахмурилась сквозь слёзы.

— А что бы изменилось? — тихо спросила я. — Ну был бы у меня парень, и что?

Денис на секунду замолчал.

— Не знаю. Может, многое. Может, ты бы чувствовала, что за тебя есть кому заступиться.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Но вообще меня другое интересует. Как ты столько времени это терпишь? Почему ты всё это допустила? Почему никому не рассказала?

Я отвела взгляд. Как объяснить ему, что иногда взрослые не замечают того, что происходит прямо перед ними? Что дома меня не слушают, а в школе проще сделать вид, будто я сама во всём виновата?

— Я не знаю, — выдавила я.

Это была правда. Я действительно не знала. Денис помолчал, словно пытался подобрать слова, которые не заставят меня снова расплакаться.

— Значит так. Теперь я буду тебя защищать. Думаю, Высота и этот петух Кирилл уже поняли, что за тебя есть кому заступиться. Мы выиграли немного времени. И за это время ты должна научиться защищать себя сама.

Я подняла на него глаза.

— Я буду учить тебя самообороне, — продолжил он. — Каждый день после уроков приходишь в спортзал. С собой берёшь спортивную форму, бинты для бокса и удобную обувь. Желательно кроссовки, которые не скользят. Волосы собирай, как обычно, в свою косичку, чтобы не мешали.

Он говорил так уверенно, словно уже всё решил.

— Всё. Жду тебя завтра. Танцы пока придётся отложить. Будем заниматься твоей самообороной.

Я хотела возразить. Хотела сказать, что танцы — единственное место, где мне спокойно. Что я не уверена, смогу ли заниматься боксом. Что мне страшно даже представить себя перед человеком, который собирается учить меня бить. Но слова так и не прозвучали. Я просто хлопала глазами, пытаясь переварить всё, что он только что сказал. Денис слегка улыбнулся.

— Не смотри на меня так. Начнём с самого простого.

Он отступил на шаг.

— До завтра, Мила.

И направился обратно в класс. А я осталась стоять в коридоре. Я не понимала, что произошло за последние десять минут и почему Денис решил взять на себя ответственность за то, что годами происходило в моей жизни. Он ведь почти ничего обо мне не знал. И всё же он не прошёл мимо. Снова.

Я добралась до туалета и закрылась в кабинке. Мне нужно было побыть одной хотя бы несколько минут. Я умылась холодной водой, промокнула лицо бумажным полотенцем и посмотрела на себя в зеркало. Губа всё ещё болела. Глаза покраснели. Но дело было не только в этом. Я никак не могла перестать думать о Денисе. О том, как он без колебаний встал на мою сторону. Как смотрел на Кирилла. Как уверенно говорил с Вероникой. Как потом совершенно спокойно стоял передо мной и объяснял, что я должна научиться защищаться. Я глубоко вдохнула и поправила волосы. Нельзя было позволять себе слишком много думать об этом. Денис помог мне. Это не означало, что между нами есть что-то особенное. Я повторила эту мысль несколько раз, пока наконец не смогла выйти из туалета.

Остаток учебного дня прошёл напряжённо. В классе все обсуждали драку, но никто не решался говорить об этом громко, когда рядом находился Денис. Кирилл сидел мрачный и почти не поднимал головы. Вероника больше не подходила ко мне. Я старалась не смотреть в их сторону. Когда прозвенел последний звонок, я собрала учебники и уже собиралась уходить, как Денис повернулся ко мне.

— Я тебя завтра жду. Ничего не знаю.

Я остановилась и посмотрела на него. Он улыбнулся. Не так, как улыбаются, когда хотят кого-то поддразнить. Просто тепло и немного упрямо. Я невольно улыбнулась в ответ и кивнула.

— Вот и договорились, — сказал он.

Я закинула рюкзак на плечо и вышла из класса.

После школы я направилась в спортзал. Мне нужно было выплеснуть всё, что накопилось внутри: страх, злость, обиду, растерянность. Я не хотела возвращаться домой и снова оставаться наедине со своими мыслями. В зале было тихо. Я переоделась, достала пуанты, но почему-то не сразу надела их. Вместо привычной классической музыки мне захотелось чего-то громкого, резкого, такого, что могло бы заглушить весь внутренний шум. Я открыла плейлист и выбрала тяжёлый рок. Первые аккорды ударили по ушам. Я усмехнулась.

— Ну что ж, попробуем.

Я встала в исходную позицию и начала двигаться. Сначала было непривычно. Балет требовал точности, плавности, контроля, а музыка будто подталкивала меня двигаться резче, свободнее, не боясь нарушить привычные правила. Я попробовала соединить одно с другим. Плавный поворот сменился резким движением руки. Прыжок — быстрым шагом. Я вытягивалась, разворачивалась, опускалась и снова поднималась, позволяя музыке вести меня за собой. И вдруг поняла, что мне нравится. Очень. Тяжёлый рок будто давал выход всему, что я так долго держала в себе. Я больше не пыталась сделать каждое движение идеальным. Не думала о том, как выгляжу со стороны. Просто танцевала. Оказывается, балет и тяжёлый рок вполне могут существовать вместе. Нужно будет потом попробовать придумать под эту музыку полноценную хореографию. Я увлеклась настолько, что не заметила силуэт в дверях. Когда музыка закончилась, я тяжело дышала, опираясь руками на колени. И только тогда увидела Дениса. Он стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Руки скрещены на груди, на лице — едва заметная улыбка. Я выпрямилась.

— Что случилось?

— Ничего. Просто решил посмотреть, как ты танцуешь.

Я приподняла брови.

— Да? А чего ты решил сегодня так подробно знакомиться с моими талантами?

— А что, нельзя?

— Можно. Просто у меня сегодня настроение соответствующее. Вот и решила перейти на тяжёлый рок.

Он усмехнулся.

— А мне нравится.

— Я рада за тебя.

Я схватила полотенце и направилась к выходу. Денис немного отступил, пропуская меня, но в узком дверном проёме мы всё равно оказались слишком близко друг к другу. Я остановилась. Он тоже. Между нами оставалось совсем немного расстояния. Я тяжело дышала после танца и вдруг слишком остро почувствовала, что он смотрит на меня. Сначала в глаза, потом на губы, где ещё оставался след вчерашнего удара. Я не знала, что делать.

Сделать шаг назад?

Посмотреть в сторону?

Сказать что-нибудь?

Но мысли будто исчезли.

— Ну чего стоишь? — спросил Денис, чуть наклонив голову. — Проходи дальше.

— А… да. Всё. Давай, пока. До завтра.

Я выпалила это так быстро, что сама едва поняла собственные слова, и поспешила в женскую раздевалку. Господи.

Что это было?

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла лицо ладонями. Сердце билось так, словно я только что пробежала несколько километров. Я подошла к зеркалу, посмотрела на себя и легонько шлёпнула по щекам.

— Дура, Мила! Ну ты что делаешь?

Я снова посмотрела на своё отражение.

— Он твой друг. Вы только недавно познакомились. Он просто помогает тебе. Просто помогает!

Я произнесла это с таким убеждением, будто могла заставить собственное сердце поверить.

— И влюбляться я не собираюсь. Всё. Нет.

Я умылась, переоделась и собрала вещи. Перед выходом осторожно выглянула из раздевалки, проверяя, не стоит ли Денис в коридоре. Его нигде не было. Я выдохнула с облегчением. И почему-то немного расстроилась.

— Так, всё, — пробормотала я себе под нос. — Домой.

Дома меня ждала неожиданная тишина. Я открыла дверь, заглянула на кухню, потом в комнату мамы. Её нигде не было. Я уже собиралась позвонить ей, когда заметила сообщение, отправленное примерно час назад.

«Я пошла к подруге на день рождения. Останусь у неё, вернусь завтра утром».

Я перечитала сообщение дважды. А потом улыбнулась.

— Спасибо, судьба.

Сегодня мне совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, объяснять своё настроение или слушать очередные замечания. Мне хотелось провести вечер так, как я сама хочу. Я приготовила себе вкусный ужин, включила любимый фильм и устроилась на диване. Наконец-то никто не спрашивал, почему я такая грустная. Никто не требовал объяснений. Никто не смотрел на меня с раздражением. Я могла просто быть собой. И всё было бы идеально, если бы не одна мысль, которая никак не давала мне покоя. Завтра мне предстояла тренировка по боксу. Я посмотрела на спортивную сумку, которую пока даже не доставала из шкафа. Честно говоря, сначала я хотела отказаться. Бокс казался мне чем-то чужим. Я привыкла к балету, к музыке, к растяжке, к точным движениям. А тут предстояло учиться наносить удары, держать защиту и, возможно, впервые в жизни не отступать перед человеком, который хочет причинить мне боль. Но потом я вспомнила Кирилла. Вспомнила, как он ударил меня и ухмыльнулся, словно имел на это полное право. И Веронику, которая годами заставляла меня чувствовать себя ничтожеством. Я больше не хотела быть человеком, который постоянно боится. Я не собиралась превращаться в агрессивную девочку и искать повод подраться. Но мне хотелось хотя бы однажды почувствовать, что я могу защитить себя. Даже если однажды мне придётся постоять против того же Кирилла.

— Ладно, Денис, — сказала я пустой комнате. — Посмотрим, что у тебя получится из меня сделать.

Я подготовила спортивную сумку, положила туда форму, кроссовки и свои единственные розовые бинты, которые нашлись дома. Потом проверила домашнее задание, собрала учебники на завтра и приняла душ. В кровать я легла с ощущением, что впервые за долгое время у меня появился план. Не просто пережить очередной день. А что-то изменить. Я закрыла глаза. И, конечно же, перед сном вспомнила Дениса. Его улыбку. Его голос. То, как он смотрел на меня в дверях спортзала. Я перевернулась на другой бок и натянула одеяло до подбородка.

— Нет, Мила. Даже не думай.

Но стоило закрыть глаза, как воображение снова нарисовало его лицо. И уснула я, так и не разобравшись в собственных чувствах.

Следующее утро оказалось куда сложнее, чем я рассчитывала. В одиннадцатом классе учителя будто решили, что у нас больше нет права на обычную жизнь. Контрольные, самостоятельные, задания на повторение, подготовка к экзаменам. Нам постоянно напоминали, что готовиться нужно с самого начала года, а не в последний месяц, когда времени уже не останется. К последнему уроку у меня гудела голова. Я с трудом собрала вещи и посмотрела на часы. Спортзал. Денис. Бокс. Я глубоко вдохнула. Честно говоря, сейчас мне хотелось только

вернуться домой, лечь на кровать и не двигаться до следующего утра. Но я сама согласилась. И если собиралась хоть что-то изменить в своей жизни, начинать нужно было с выполнения собственных обещаний. Поэтому я направилась в спортзал. Денис уже ждал меня. Он переоделся в спортивную одежду, размял плечи и, увидев меня, кивнул на раздевалку.

— Всё, иди переодевайся. Бинты пока не заматывай, я сам тебе руки забинтую.

Я молча кивнула и ушла переодеваться. Я долго выбирала, что надеть, хотя, если честно, выбора у меня было не так уж много. В итоге остановилась на удобных лосинах, спортивном топе и лёгких кроссовках, которые не скользили на полу. Волосы заплела в тугую косу, чтобы пряди не лезли в лицо и не мешали двигаться. Взяв розовые бинты, я вышла из раздевалки и направилась к Денису. Он обернулся на звук шагов. И на мгновение замер. Его взгляд скользнул по мне сверху вниз, задержался на спортивной форме, затем остановился на моём лице. Я почувствовала, как начинают гореть щёки.

— Что? — спросила я, невольно поправляя край топа.

Денис моргнул, словно очнулся, и усмехнулся.

— Ничего. Просто смотрю, готова ли ты к тренировке.

— Ага. Конечно.

Он улыбнулся шире. Я протянула ему бинты. Денис посмотрел на них, затем на меня.

— Розовые?

— Единственные, которые нашла.

— Ладно, пойдёт.

Он махнул рукой в сторону скамейки.

— Садись. Сначала поговорим, потом начнём.

Я устроилась рядом с ним, положив спортивную сумку у ног. Денис сел напротив, опёрся локтями на колени и внимательно посмотрел на меня.

— Рассказывай. Как всё началось?

Я не сразу поняла, что именно он имеет в виду.

— Что именно?

— Мила, — вздохнул он. — Всё. Вероника, её компания, Кирилл. Почему они к тебе пристали? Как давно это продолжается?

Я опустила взгляд на свои руки. Мне не хотелось вспоминать. Но я уже понимала, что если хочу, чтобы Денис помог мне, придётся хотя бы немного ему довериться. И я начала рассказывать. Сначала о Веронике. О том, как она постепенно превратила меня в мишень для насмешек. Как однажды решила, что может распоряжаться моими вещами, а потом начала мстить, когда я отказалась ей помогать. О сломанной ручке, испорченных тетрадях, испачканной одежде, насмешках и прозвище, которое приклеилось ко мне на несколько лет. Потом рассказала о том, как меня запирали в классе, как однажды пришлось выбираться через окно, как меня толкали и били после уроков. О том, как я часами сидела в парке, боясь возвращаться домой. И о Кирилле. Когда я дошла до вчерашнего удара, Денис заметно напрягся. Его челюсть сжалась, а пальцы крепче стиснули край скамейки.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что это продолжается уже три года?

Я кивнула.

— И ты всё это время никому не рассказывала?

Я пожала плечами.

— Почему, Мила?

Я не знала, что ответить.

Потому что мама не слушала?

Потому что я боялась, что мне не поверят?

Потому что каждый раз, когда я пыталась сопротивляться, всё становилось только хуже?

Всё вместе.

— Я не знаю, — повторила я тихо.

Денис посмотрел на меня так, словно хотел возразить, но сдержался.

— Ты могла обратиться к классному руководителю. К директору. К кому-нибудь из взрослых. Они не имеют права так с тобой обращаться.

Я опустила голову.

— Я понимаю.

— Тогда почему не обратилась?

В его голосе появилась досада.

— Мила, ты же не обязана была терпеть всё это одна! Три года, понимаешь? Три года!

Я вздрогнула. Денис сразу заметил это и замолчал. Несколько секунд он смотрел на меня, потом медленно выдохнул.

— Прости. Я не на тебя злюсь.

Я подняла глаза.

— Просто я не понимаю, почему ты решила, что должна со всем справляться сама.

Я не ответила. Потому что и сама не понимала. Мне казалось, что если я буду молчать, то однажды они устанут. Что если не стану отвечать, не буду плакать и не покажу, насколько мне больно, то всё закончится. Но ничего не закончилось. И теперь я сидела рядом с человеком, который искренне не понимал, как я могла столько времени терпеть подобное. Впервые за долгое время мне не хотелось оправдываться.

— Ладно, — наконец сказал Денис. — Давай начнём.

Он забрал у меня бинты и сел чуть ближе.

— Руки дай.

Я протянула ему ладони. Денис начал обматывать кисти, аккуратно фиксируя бинт вокруг запястья, затем проводя его между пальцами и возвращаясь к костяшкам. Я старалась следить за тем, что он делает, но получалось плохо. Он сидел совсем рядом. Я видела его руки, напряжённые мышцы предплечий, тёмные линии татуировок, которые уходили под рукав футболки. Он работал уверенно и спокойно, словно занимался этим каждый день. Что, собственно, было правдой. Но почему-то мне было трудно просто сидеть и смотреть. Каждое его прикосновение отзывалось странным теплом. Когда он придерживал мою ладонь, чтобы бинт лёг ровнее, сердце начинало биться быстрее. Я пыталась убедить себя, что это просто волнение перед первой тренировкой. Наверное, так и было. Наверное. Я отвела взгляд на его левую руку. На коже виднелась надпись на латинице. Я давно заметила её, но до сих пор не решалась спросить, что она означает.

— Интересно, что написано? — неожиданно произнёс Денис.

Я подняла глаза.

— Что?

Он усмехнулся.

— Ты уже минуту смотришь на мою татуировку.

Я почувствовала, как щёки снова вспыхнули.

— Да… Просто интересно. А что она означает? Как переводится?

Денис закончил обматывать одну руку и перешёл ко второй.

— «Если бьют — бей первым». Ну, примерно так.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Серьёзно?

— Ага.

Он на секунду задумался, словно вспоминая что-то давнее.

— Когда я только начал заниматься боксом, мой первый тренер сказал фразу, которая мне запомнилась. Обычно ведь как говорят? Если тебя провоцируют, лучше отойди. Если можешь избежать драки — избегай. И это правильно во многих ситуациях.

Он поднял на меня глаза.

— Но мой тренер однажды сказал: «Если дают — бери, если бьют — бей первым». Он имел в виду не то, что нужно лезть в каждую драку. Скорее, что нельзя позволять себя ломать. Нельзя всё время ждать, пока кто-то решит за тебя, достоин ты защиты или нет.

Я задумалась.

— И ты решил набить это на руке?

— Не сразу. Потом через знакомых сделал. Отец, конечно, ругался. Но когда прочитал перевод, признался, что сама фраза ему нравится.

Я невольно рассмеялась.

— То есть сначала он ругался, а потом одобрил?

— Примерно так. Он вообще умеет быть убедительным, когда хочет.

Денис закончил бинтовать вторую руку и осторожно проверил, не слишком ли туго затянул бинты.

— Пальцы не немеют? Не жмёт?

Я пошевелила кистями.

— Нет. Вроде нормально.

— Если станет неудобно, сразу говори. Бинты должны защищать руки, а не мешать кровообращению.

Он поднялся и отступил на шаг.

— Ну что, готова?

Я посмотрела на него, потом на свои забинтованные руки.

— Наверное.

— Вот и отлично. Сегодня без геройства. Никаких попыток уложить меня на пол и отомстить за все свои беды.

Я фыркнула.

— А я уже собиралась.

— Вот видишь, а я даже размяться не успел.

Я рассмеялась. И впервые за весь день почувствовала, что напряжение немного отпускает.

— Начнём с разминки, — сказал Денис. — Бокс — это не только удары. Если тело не готово, ты быстро устанешь, потеряешь равновесие и сама себе создашь проблемы.

Он показал мне несколько простых движений для плеч и рук, после чего мы начали с лёгкого бега по залу. Сначала я чувствовала себя глупо. Мы бегали по кругу, а я постоянно думала, как нелепо, наверное, выгляжу в глазах Дениса. Потом он заставил меня пройтись на носках, на пятках, сделать несколько боковых шагов и лёгких прыжков на месте.

— Не торопись, — напоминал он. — Сейчас важнее не скорость, а чтобы ты привыкла двигаться.

Затем мы размяли шею, плечи, локти и запястья. Денис показывал каждое движение, а я повторяла за ним.

— Руки выше. Плечи не зажимай.

Я подняла руки.

— Вот так?

— Почти. Не надо поднимать плечи к ушам. Расслабься.

— Я и так расслаблена.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Конечно. А я балерина Большого театра.

Я не удержалась и рассмеялась.

— Не смейся, — усмехнулся он. — А то сейчас заставлю ещё десять кругов пробежать.

— Ты не посмеешь!

— Проверим?

Я тут же замолчала и послушно продолжила разминку. Денис рассмеялся. И мне вдруг стало легко. Так легко, что на несколько минут я забыла о школе, Веронике, Кирилле и обо всём, что обычно не давало мне спокойно дышать. После разминки мы остановились посреди зала.

— Теперь стойка, — сказал он. — Это основа. Если не научишься правильно стоять, никакие удары тебе не помогут.

Он показал, как поставить ноги: одну немного впереди другой, колени слегка согнуты, вес распределён так, чтобы можно было быстро переместиться в любую сторону. Я попыталась повторить.

— Не так. Смотри на меня.

Он встал рядом и показал ещё раз. Я переставила ноги.

— Вот теперь лучше. Переднюю ногу немного поверни. Да, так. Колени не выпрямляй до конца.

Я старалась запомнить каждое слово.

— Теперь руки. Подними к лицу, локти ближе к корпусу. Подбородок немного опусти.

Я послушно выполнила всё, что он сказал.

— Отлично, — произнёс Денис. — Теперь попробуй немного переместиться вперёд и назад. Ноги не скрещивай. Не прыгай, не суетись. Маленькие шаги.

Я двинулась вперёд, потом назад. На третьем шаге чуть не потеряла равновесие. Денис быстро придержал меня за локоть.

— Осторожно.

Я замерла. Его рука всё ещё лежала на моей руке, а я почему-то забыла, как дышать.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да.

— Тогда продолжай.

Он отпустил меня, и я с облегчением выдохнула. И одновременно пожалела, что он отстранился.

Господи, что со мной происходит?

Я сосредоточилась на ногах, стараясь больше не отвлекаться. Мы несколько минут отрабатывали перемещения. Вперёд, назад, в сторону. Денис поправлял меня, когда я слишком широко ставила ноги или забывала держать руки у лица.

— Запомни, Мила: не нужно стоять на месте и ждать, пока тебя ударят. Двигайся. Смотри на человека перед собой. Следи за дистанцией.

Я кивнула.

— А если я испугаюсь?

Он посмотрел на меня.

— Испугаешься. Это нормально.

Я удивлённо подняла глаза.

— Правда?

— Конечно. Страх не исчезает по щелчку пальцев. Важно научиться не позволять ему полностью управлять тобой. Для начала достаточно не убегать глазами, держать дистанцию и понимать, куда можно отойти.

Он сделал небольшую паузу.

— И ещё. Самооборона — не значит, что ты должна драться со всеми подряд. Если можно уйти, позвать на помощь или оказаться рядом с людьми, так и делай. Твоя задача — выбраться из опасной ситуации, а не доказать кому-то, что ты сильнее.

Я внимательно слушала. Почему-то именно эти слова успокоили меня сильнее всего. Я боялась, что Денис захочет превратить меня в человека, который будет отвечать на каждую

обиду ударом. Но он говорил совсем о другом. О том, чтобы я могла защитить себя. О том, чтобы я перестала чувствовать себя совершенно беспомощной.

— Теперь попробуем простые удары, — сказал он.

Я мгновенно напряглась.

— Уже?

— А ты думала, мы до вечера будем ходить по кругу?

— Вообще-то, я не возражала бы.

— Не сомневаюсь.

Он встал передо мной на небольшом расстоянии.

— Смотри. Сначала учимся бить без силы. Нам важнее техника. Держишь руки у лица, плечи расслаблены, кисть прямая. Удар короткий, без замаха. И сразу возвращаешь руку обратно в защиту.

Он показал медленное движение, остановив кулак перед воображаемой целью.

— Не вкладывайся всем телом. И не выпрямляй локоть до упора. На первых тренировках нам не нужны ни синяки, ни травмы.

Я повторила движение. Мой кулак прошёл куда-то в сторону. Денис посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

— Не смейся, — предупредила я.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но собираешься!

Он прикусил губу, явно сдерживая улыбку.

— Мила, ты сейчас пыталась ударить невидимого человека или помахать ему рукой?

— Денис!

Он рассмеялся, а я почувствовала, как начинаю краснеть.

— Всё, всё. Давай ещё раз.

Он снова показал движение, на этот раз медленнее. Я внимательно следила за его рукой, положением плеч и тем, как он возвращал кулак к лицу. Потом повторила. Уже лучше.

— Вот. Видишь? — похвалил он. — Не нужно сразу пытаться сделать всё идеально. Ещё раз.

Я повторила. Потом ещё. С каждым разом движение получалось увереннее. Я старалась не торопиться и запоминать, как работают руки, когда нужно сохранять равновесие. Затем Денис предложил попробовать второй рукой. Я снова ошиблась, слишком сильно развернув корпус.

— Стоп, — сказал он. — Не выворачивайся так. Тебе не нужно вкладывать в каждый удар всю злость, которая у тебя накопилась.

Я замерла. Он произнёс это спокойно, но попал точно в цель. Потому что злость действительно была. На Кирилла. На Веронику. На маму. На себя — за то, что столько времени молчала. Я опустила руки.

— А если я хочу ударить так, чтобы он больше никогда ко мне не подошёл?

Денис некоторое время молчал.

— Понимаю, — наконец сказал он. — Но если будешь драться только на злости, ты перестанешь думать. А это опасно прежде всего для тебя.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Мы будем тренироваться, чтобы ты могла защититься, а не чтобы ты искала повод кому-нибудь отомстить. Хорошо?

Я медленно кивнула.

— Хорошо.

— Вот и молодец.

Он произнёс это так просто, что я даже не сразу поняла, почему у меня вдруг стало тепло внутри. Может быть, потому, что я давно не слышала в свой адрес ничего подобного. Не насмешку. Не упрёк. Не раздражённое замечание. Просто поддержку.

— Теперь ещё несколько раз, — сказал Денис. — Потом сделаем перерыв.

Я снова подняла руки и заняла стойку. На этот раз я не думала о том, как выгляжу. Не переживала, что делаю всё неправильно. Я просто повторяла движения, пока они не начали понемногу получаться. Когда Денис сказал остановиться, я уже заметно устала. Мы сели на скамейку, и я потянулась за бутылкой воды.

— Ну как? — спросил он.

Я задумалась.

— Странно.

— В каком смысле?

— Я думала, будет намного сложнее. А ещё думала, что мне будет страшно.

— И что?

Я посмотрела на свои забинтованные руки.

— Мне всё ещё страшно. Но уже не так.

Денис кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

— Значит, не зря пришла.

Я улыбнулась.

— Наверное.

Он посмотрел на часы и поднялся.

— На сегодня хватит. В первый день не нужно пытаться стать чемпионкой. Завтра продолжим. Повторим стойку, перемещения и удары. Постепенно будем добавлять новые упражнения.

Я тоже поднялась, чувствуя приятную усталость во всём теле.

— А если у меня ничего не получится?

Денис повернулся ко мне.

— Тогда будем пробовать, пока не получится.

Он сказал это так уверенно, что я невольно улыбнулась.

— Ты всегда такой упрямый?

— Только когда кто-то собирается сдаться раньше времени.

— А если я не собираюсь?

— Тогда у нас вообще нет проблем.

Я рассмеялась. Он помог мне снять бинты, объяснил, как аккуратно свернуть их, чтобы в следующий раз было проще наматывать, и напомнил не забыть спортивную форму. Когда мы вышли из зала, я вдруг поняла, что впервые за долгое время день закончился не чувством беспомощности, а маленькой надеждой. Я всё ещё боялась Веронику. Всё ещё не знала, что будет завтра в школе. И всё ещё не могла разобраться, почему рядом с Денисом моё сердце иногда начинало биться быстрее, чем после целого круга по спортзалу. Но теперь у меня было хотя бы одно занятие, на котором я могла учиться не отступать. И человек, который почему-то решил, что у меня получится. Я украдкой посмотрела на Дениса. Он что-то рассказывал о следующей тренировке, размахивая руками и улыбаясь своей привычной озорной улыбкой. Я слушала его и думала, что, наверное, мне просто повезло встретить хорошего друга. Всего лишь друга. И если я буду повторять это достаточно часто, может быть, однажды сама в это поверю.

Часть 7

Прошёл почти месяц. Целый месяц, который перевернул мои привычные дни с ног на голову. Теперь в моей жизни существовало расписание, от которого я почти не отступала: школа, домашние задания, тренировки, сон. Иногда между ними находилось время на еду и короткие передышки, но в целом всё было именно так. И, как ни странно, мне нравилось. Денис назначал время и сообщал адрес, куда мне нужно было приезжать. Мы тренировались каждый день, даже по выходным. Первые занятия были особенно тяжёлыми. У меня болели кисти, ныли мышцы, а иногда после тренировки хотелось просто лечь на пол и больше никогда не вставать. Но уже через несколько занятий я привыкла. Денис объяснял, как правильно питаться при таких нагрузках, напоминал пить воду, не пропускать приёмы пищи и не пытаться заниматься через сильную боль. Он следил за моим самочувствием и каждый раз спрашивал, всё ли в порядке. И я, сама от себя такого не ожидая, выполняла все его рекомендации без единого возражения. Наверное, дело было в том, что я впервые занималась чем-то не потому, что от меня этого требовали, а потому, что сама этого хотела. Мне хотелось научиться защищать себя. Хотелось перестать вздрагивать от каждого резкого движения и постоянно оглядываться по сторонам. Хотелось однажды пройти мимо Вероники, не опуская голову. И ещё мне хотелось проводить время с Денисом. Вот только в этом я себе признаваться не спешила. За этот месяц у нас начались каникулы. Времени стало больше, и тренировки заметно удлинились. Мы могли заниматься несколько часов, делая небольшие перерывы на воду и отдых. Денис постепенно усложнял упражнения, а я старалась не отставать. Я училась правильно держать стойку, перемещаться, уходить с линии атаки, освобождаться от захватов и сохранять равновесие. Иногда у меня всё получалось с первого раза, иногда приходилось повторять одно и то же по двадцать раз. Денис не раздражался. Он мог подшутить надо мной, если я в очередной раз путала ноги, но никогда не смеялся так, чтобы мне хотелось провалиться сквозь землю. Если видел, что я устала, давал передышку. Если замечал, что я начинаю нервничать, заставлял остановиться и ещё раз спокойно объяснял, что нужно делать. Он оказался действительно хорошим тренером. Но была одна странность, которую я не могла не замечать. После тренировок мы словно становились чужими людьми. Мы могли провести вместе несколько часов, разговаривать, смеяться, спорить о музыке и обсуждать школьные новости. Денис интересовался моими успехами, спрашивал, как прошёл день, и никогда не забывал уточнить, не болят ли у меня руки. Но стоило тренировке закончиться, как между нами будто возникала невидимая стена. Он не предлагал прогуляться. Не звал куда-нибудь посидеть. Даже не спрашивал, нужно ли меня проводить. Мы просто собирали вещи, прощались и расходились каждый по своим делам. И я каждый раз убеждала себя, что это нормально. В конце концов, он обещал научить меня самообороне, а не становиться моим другом на всю жизнь. У него были свои занятия, соревнования, друзья и планы. Я не могла ожидать, что он станет посвящать мне всё свободное время. И всё же иногда мне становилось обидно. Особенно когда после особенно удачной тренировки я ловила себя на мысли, что не хочу уходить. Мне хотелось ещё немного поговорить с ним. Узнать, как прошёл его день. Послушать очередную историю из его жизни. Просто пройтись рядом, пока на улице темнеет. Но я молчала. Потому что боялась услышать отказ. И потому что не понимала, почему вообще стала ждать от него чего-то большего. Возможно, я сама всё придумала. Возможно, мне просто не хватало общения с человеком, рядом с которым я могла быть собой. А возможно, мне хотелось верить, что между нами есть нечто большее, чем тренировки. Последняя мысль пугала меня сильнее остальных. Поэтому я старалась о ней не думать.

Когда закончились каникулы и началась новая четверть, я заметила, что в школе стало немного спокойнее. Вероника и её компания больше не подходили ко мне напрямую. Кирилл

тоже держался на расстоянии. Никто не пытался отобрать у меня вещи или толкнуть в коридоре. Но шёпот никуда не исчез. Стоило мне пройти мимо компании девочек, как они начинали переглядываться. Иногда я слышала обрывки фраз, иногда замечала насмешливые улыбки. Раньше этого было достаточно, чтобы испортить мне весь день. Теперь я старалась не обращать внимания. Не потому, что мне перестало быть больно. Просто я устала позволять чужим словам решать, каким будет моё настроение. Я начала понимать, что могу продолжать идти вперёд, даже если кто-то за моей спиной смеётся. И это было маленькой победой. Денис тоже замечал перемены.

— Смотри-ка, — сказал он однажды после уроков, когда мы шли в спортзал. — Уже не вздрагиваешь каждый раз, когда кто-нибудь за спиной смеётся.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ты следишь за тем, как я вздрагиваю?

— У меня наблюдательность хорошая.

— А скромность?

— С ней сложнее.

Я рассмеялась. Он улыбнулся, и мы продолжили путь. Мне нравились такие моменты. Обычные, ничего не значащие разговоры, в которых не нужно было подбирать каждое слово или думать, не покажусь ли я кому-то смешной. С Денисом было легко. По крайней мере, до тех пор, пока я не начинала задумываться о том, что чувствую к нему. Тогда всё становилось ужасно сложным.

На очередной тренировке Денис решил, что пора переходить к новому этапу.

— Сегодня будем отрабатывать падения, — сообщил он, когда я закончила разминку.

Я остановилась и посмотрела на него.

— Падения?

— Именно.

— А можно я просто не буду падать?

— Можно. Тогда ты никогда не научишься правильно падать.

Я нахмурилась.

— Очень логично.

— Я стараюсь.

Он усмехнулся и показал мне, как правильно группироваться, защищать голову и распределять нагрузку при падении. Объяснил, что нельзя выставлять прямую руку, пытаясь поймать себя, и что нужно учиться контролировать положение тела. Я слушала внимательно. Всё-таки я была балериной. Моё тело привыкло к равновесию, точности и контролю над каждым движением. Падение всегда означало ошибку, которую нужно исправить. А теперь мне предлагали учиться падать намеренно. Странное занятие. Но я старалась. Сначала всё было довольно просто. Денис показывал движение, я повторяла. Он поправлял положение рук и ног, объяснял, как переносить вес тела и почему нельзя напрягаться в самый неподходящий момент. Постепенно упражнения усложнялись.

— Не зажимайся, — повторял он. — Чем сильнее ты напрягаешься, тем сложнее тебе контролировать движение.

— Легко сказать!

— Я знаю. Поэтому мы и тренируемся.

Я тяжело выдохнула и попробовала ещё раз.

Получилось лучше.

— Вот! — похвалил Денис. — Уже гораздо увереннее.

Я улыбнулась. Мне нравилось слышать от него такие слова. Наверное, потому, что я привыкла замечать в себе только ошибки. А Денис каким-то образом умел показывать мне, что

даже небольшое улучшение чего-то стоит. Мы продолжили. Через некоторое время он предложил отработать падение в движении.

— Сейчас я буду помогать тебе терять равновесие, а ты должна правильно сгруппироваться и выполнить падение. Никаких резких движений. Если почувствуешь боль или станет страшно, сразу говори.

Я кивнула. В первый раз всё прошло довольно спокойно. Во второй — тоже. На третий я начала смеяться. Не потому, что было смешно падать. Просто сама ситуация казалась мне нелепой. Ещё месяц назад я не могла представить, что буду проводить вечера в спортивном зале, учиться драться и обсуждать с Денисом способы безопасно приземляться на пол. А теперь это стало частью моей жизни.

— Ты чего смеёшься? — спросил он.

— Не знаю! Просто смешно!

— Ну, смейся. Только слушай, что я говорю.

Я послушно кивнула, всё ещё улыбаясь. Но очередная попытка оказалась не такой удачной, как предыдущие. Я снова упала на мат, затем ещё раз. И ещё. Сначала я воспринимала это как обычное упражнение. Поднималась, отряхивалась, занимала исходное положение и повторяла. Но постепенно улыбка начала исчезать. На пятой попытке я села на мат, подтянула колени к груди и обняла их руками. А потом заплакала. Неожиданно для самой себя. Я даже не сразу поняла, что происходит. Слёзы просто потекли по щекам, и остановить их не получалось. Денис замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.